

ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М.К. АММОСОВА
СЕРИЯ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВО»

Электронное научное периодическое издание
Издается с 2016 года

Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова»

3 (07) 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ «ВЕСТНИКА СВФУ»

Главный редактор:

Е. И. Михайлова, академик РАО, д. п. н.

Члены международного редакционного совета:

Л. Г. Гольдфарб, проф., Национальный институт неврологических заболеваний (НИН/NINDS) Национальных институтов здоровья США, г. Вашингтон; *С. А. Карабасов*, проф., Лондонский университет имени Королевы Мэри, Великобритания; *В. В. Красных*, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия; *Л. Сальмон*, проф., Генуэзский университет, Италия; *Ву Сок Хванг*, проф., Фонд биотехнологических исследований Soosam, Южная Корея; *Дж. Судзуки*, проф., Университет Саппоро, Япония; *Д. К. Фишер*, проф., Мичиганский университет, США; *Дж.-Х. Чо*, проф., Университет Мёнджи, Южная Корея.

Члены редакционной коллегии:

А. Н. Алексеев, д. и. н., проф.; *А. А. Бурцев*, д. филол. н., проф.; *А. И. Гоголев*, д. и. н., проф.; *П. В. Гоголев*, д. ю. н., доцент; *А. И. Голиков*, д. п. н., проф.; *Г. Ф. Крымский*, д. ф.-м. н., акад. РАН, проф.; *А. А. Кугаевский*, к. э. н., доцент; *О. А. Мельничук*, д. филол. н., доцент; *И. И. Мордосов*, д. б. н., проф.; *А. П. Оконешникова*, д. психол. н., проф.; *А. А. Охлопкова*, д. т. н., проф.; *П. Г. Петрова*, д. м. н., проф.; *А. С. Саввинов*, д. филос. н., проф.; *П. В. Сивцева-Максимова*, д. филол. н., проф.; *Н. Г. Соломонов*, д. б. н., член-корр. РАН, проф.; *Ю. И. Трофимцев*, д. т. н., проф.; *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н., проф.; *В. Ю. Фридовский*, д. г.-м. н., проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВО.
HISTORY. POLITICAL SCIENCE. LAW»:

Заместитель главного редактора, редактор серии:

П. В. Гоголев, д. ю. н.

Выпускающий редактор: *А. А. Павлова*, к. ю. н.

Технический редактор: *Н. Ю. Печетова*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии серии:

Густав Вахтер, доктор права, проф., Инсбрукский университет имени Леопольда и Франца, Австрия; *Ю. Н. Ермолаева*, к. и. н., проф., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Ю. Д. Петров*, д. полит. н., проф., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Пирс Витебски*, доктор антропологии, Институт полярных исследований имени Скотта Кембриджского университета, Великобритания; *Н. Н. Радченко*, к. и. н., доцент, СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *И. А. Сосина*, д. полит. н., проф., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Н. А. Стручкова*, к. и. н., проф., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *И. С. Сивцев*, к. и. н., проф., СВФУ им. М. К. Аммосова, Россия; *Н. С. Тимофеев*, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия; *Флориан Штаммлер*, научный сотрудник, Лапландский научный центр, Финляндия.

Адрес учредителя и издателя:

Россия, Республика Саха (Якутия), 677000, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58.

Адрес редакции:

Россия, Республика Саха (Якутия), 677027, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42, каб. 367.

Юридический факультет Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова.

E-mail: ippvestnik@gmail.com

Сайт редакции: http://s-vfu.ru/universitet/nauka/Magazines/History_polit_jur/

VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
«HISTORY. POLITICAL SCIENCE. LAW» SERIES

Electronic scientific periodical
Published since 2016

The founder and publisher is the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«M. K. Ammosov North-Eastern Federal University».

3 (07) 2017

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief *E. I. Mikhailova*, Academician of RAS, Doctor, Professor.

Members of the international editorial board:

L. G. Goldfarb, Prof., the National Institute of Neurological Diseases (NIH/NINDS) of National Institute of Health of the USA, Washington; *S. A. Karabasov*, Prof., Queen Mary University of London, Great Britain; *V. V. Krasnykh*, Dr. Phil. Sc., Prof., M. V. Lomonosov Moscow State University, Russia; *L. Salmon*, Ph. D., Prof., University of Genoa, Italy; *Woo Suk Hwang*, Prof., SOOAM Biotech Research Foundation, South Korea; *J. Suzuki*, Prof., Sapporo University, Japan; *D. C. Fischer*, Prof., University of Michigan, USA; *J.-H. Cho*, Prof., Myongji University, South Korea.

Members of the national editorial board:

A. N. Alekseev, Dr. of History, Prof.; *A. A. Burtsev*, Dr. of Philology, Prof.; *A. I. Gogolev*, Dr. History, Prof.; *P. V. Gogolev*, Cand. of Law, Asst Prof.; *A. I. Golikov*, Dr. of Pedagogics, Prof.; *G. F. Krymskiy*, Dr. of Physics & Mathematics. Acad. RAS, Prof.; *A. A. Kugaevskiy*, Cand. of Economics, Asst Prof.; *O. A. Melnichuk*, Dr. of Philology, Asst Prof.; *I. I. Mordosov*, Dr. of Biology, Prof.; *A. P. Okoneshnikova*, Dr. of Psychology, Prof.; *A. A. Okhlopova*, Dr. of Engineering, Prof.; *P. G. Petrova*, Dr. of Medicine, Prof.; *A. S. Savvinov*, Dr. of Philosophy, Prof.; *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Dr. of Philology, Prof.; *N. G. Solomonov*, Dr. of Biology, Corresponding Member RAS, Prof.; *Yu. I. Trofimtsev*, Dr. of Engineering, Prof.; *G. G. Philippov*, Dr. of Philology, Prof.; *V. Yu. Fridovskiy*, Dr. of Geology & Mineralogy, Prof.

THE EDITORIAL BOARD SERIES

Deputy Editor-in-Chief, editor of the series:

P. V. Gogolev, Dr. of Law.

Production Editor:

A. A. Pavlova, Cand. of Law.

Technical Editor:

N. Yu. Pechetova, Cand. of Philology.

The members of the series' editorial board:

Gustav Wachter, Prof. of Law; *Yu. N. Ermolaeva*, Cand. of History, Prof.; *Yu. D. Petrov*, Dr. of Political Studies, Prof., Academician of the Russian Academy of Political Studies; *Pierce Vitebski*, Dr. of Anthropology, *N. N. Radchenko*, Cand. of History, Asst Prof.; *I. A. Sosina*, Dr. of Political Studies, Prof.; *N. A. Struchkova*, Cand. of History, Prof.; *I. S. Sivtsev*, Cand. of History, Prof.; *N. S. Timofeev*, Dr. of Law, Prof.; *Florian Stammer*, researcher.

Founder and publisher address:

the North-Eastern Federal University, 58 Belinskogo st., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial Office address: 367 off., 42 Kulakovskogo st., Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: ippvestnik@gmail.com

Faculty of Law of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

http://s-vfu.ru/universitet/nauka/Magazines/History_polit_jur/

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Желобцов Ф. Ф.</i> «Национальное дело» как фактор внешней политики Турции	5
<i>Курчатова Т. Т.</i> Национальный состав населения Олекминского района: история формирования и развития в конце XIX – начале XX века	17

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Муса кызы А.</i> Реализация стратегии «мягкой силы» во внешней политике США в первые годы независимости Кыргызстана	23
---	----

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Степанова А. А.</i> О системе органов государственной власти России	29
<i>Шкиндер А. С.</i> Некоторые проблемы, связанные с производством проверки показаний на месте	37

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Каратаев А. А.</i> Актуальные проблемы соучастия в преступлении	41
<i>Никифорова Т. И.</i> проблемы апелляционного производства в уголовном процессе Российской Федерации	46
<i>Павлова А. Г.</i> Принудительные меры воспитательного воздействия как форма реализации уголовной ответственности несовершеннолетних: анализ законодательного регулирования в некоторых странах ближнего зарубежья	49
<i>Плотников С. П.</i> Проблема квалификации насильственных половых преступлений	53

CONTENT

HISTORICAL STUDIES AND ARCHAEOLOGY

<i>Zhelobtsov F. F.</i> National Issue as a Factor of Turkey's Foreign Policy	5
<i>Kurchatova T. T.</i> The Ethnic Composition of Oloykma District: The History of Formation and Development in the Late 19 th -Early 20 th Centuries	17

POLITICAL SCIENCE

<i>Musa kyzy A.</i> The Implementation of Soft Power Strategy in US Foreign Policy in the Early Years of Independence of Kyrgyzstan	23
--	----

LAW

<i>Stepanova A. A.</i> The System of the State Power Bodies in Russia	29
<i>Shkinder A. S.</i> Some Problems Connected With Conducting the Checking of Testimony on the Spot	37

YOUNG RESEARCHER'S TRIBUNE

<i>Karataev A. A.</i> Topical Issues of Complicity in Crime	41
<i>Nikiforova T. I.</i> Problems of Appeal Proceedings in the Criminal Procedure of the Russian Federation	46
<i>Pavlova A. G.</i> Enforcement Powers of Educational Influence as Form of Realization of a Criminal Responsibility of Minors: The Analysis of Legislative Regulation in Some Neighboring Countries	49
<i>Plotnikov S.P.</i> Classification of Violent Sexual Offences	53

– ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ –

УДК 94(560)

Ф. Ф. Желобцов

«НАЦИОНАЛЬНОЕ ДЕЛО» КАК ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ

Кипрский вопрос, получивший в Турции статус «национального дела», до сих пор остается одним из последних межэтнических конфликтов в мире. Тупиковая ситуация в его урегулировании продолжает поддерживать в районе Средиземноморья и всего Ближнего Востока незатухающий очаг международной напряженности, в котором переплелись интересы многих государств, в том числе и членов НАТО. В последнее время он приобрел особую значимость в отношениях Турции с ее партнерами на Западе и США. Эта значимость будет только возрастать в связи с усиливающимся вмешательством Турции в дела этого региона. После долгого перерыва с 9 по 11 января 2017 г. в Женеве состоялись очередные переговоры по вопросу воссоединения греческой и турецкой частей острова Кипр. В них помимо Республики Кипр и стран-гарантов – Англии, Греции, Турции – в статусе равной приняла участие и самопровозглашенная Турецкая Республика Северного Кипра (далее ТРСК). Как и предсказали многие международные наблюдатели и эксперты, переговоры закончились полным провалом. Страны решительно разошлись в вопросе территориального размежевания. К этому можно добавить и тот немаловажный фактор, что если бы стороны пришли к каким-то совместным решениям на этих переговорах, то они должны были бы получить свое подтверждение на народных референдумах этих стран, что также представляется не легким делом. Одно из обязательных условий, если не сказать единственное, которое позволит выйти из тупика – невмешательство извне, отказ от попыток навязать киприотам чуждые их интересам решения. Конкретные же формы государственного устройства на Кипре должны решаться только самими киприотами – греками и турками – путем мирных и конструктивных переговоров. Кипрский вопрос никогда не был приоритетным во внешней политике России, и, как следствие этого, в российской исторической литературе он освещен явно недостаточно. В статье на основе имеющихся работ российских, западно-европейских и турецких авторов освещается история возникновения и становления кипрского вопроса.

Ключевые слова: Кипр, Греция, Англия, НАТО, община, Турецкая республика Северного Кипра, присоединение, раздел, оккупация, территориальное размежевание.

F. F. Zhelobtsov

National Issue as a Factor of Turkey's Foreign Policy

The Cyprus issue, which gained the 'national issue' status, is one of the last inter-ethnic conflicts in the modern world. This deadlock provokes a recurring seat of tension in the Mediterranean world and also in the whole Near East, where the interests of many countries, including the NATO members, are interlaced. Recently, this conflict takes on enormous significance in Turkey's relations with the West and the USA. This significance

ЖЕЛОБЦОВ Федот Федотович – доцент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ имени М. К. Аммосова.

ZHELOBTSOV Fedot Fedotovitch – associate Professor of the Department of Oriental languages and regional studies, Institute of foreign Philology and area studies North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov.

will grow in connection with Turkey's deepening involvement into this vast region's affairs. After long interval and exhausting efforts of the world community, regular negotiations concerning the reunion of the Greek and the Turkish parts of Cyprus took place on 9-11 January in Geneva. Besides the Republic of Cyprus and the guarantor states, such as England, Greece and Turkey, the Turkish Republic of Northern Cyprus (TRNC) took part with the equal status. As it was predicted by numerous international observers and experts, these negotiations sustained a total failure – countries completely disagreed on the issue of the territorial delimitation. To this, we can add not the least of the factors: in case of compromise, this agreement should be confirmed by the national referendums, which is not so easy to achieve in reality. So, this situation creates a permanent seat of tension in the Eastern Mediterranean and all the Near East territory. The only way to break this deadlock is the non-interference from the outside and full denial of imposing other's decisions on the Cypriots. Thus, the concrete form of government of Cyprus should be determined only by the Cypriots – Greeks and Turks – through the peace and constructive negotiations. It must be recognized that the Cyprus issue has never been a priority in our country's foreign policy, so this question is not adequately studied in the Russian historical literature. The article is based on the publications of the West-European and Turkish authors in printed and electronic materials, which illustrate the history of formation and development of the Cyprus issue.

Keywords: Cyprus, Greece, England, NATO, community, Turkish Republic of Northern Cyprus, accession, separation, occupation, territorial delimitation

Введение

Кипрский вопрос как таковой не являлся приоритетным во внешней политике бывшего СССР, и это стало главной причиной его малоизученности. Вместе с тем различные его аспекты, связанные в основном с международным положением в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, освещены в работах Б. М. Поцхверия, В. А. Шмарова, Я. Г. Бронина и др.

Что касается работ западных и турецких исследователей, то они в своём большинстве носят пропагандистский характер с упором на значимость участия Турции в НАТО и больше обеспокоены судьбой его юго-восточного фланга в связи с кипрским кризисом. Турецкие авторы видят основную и главную причину кипрского кризиса только в стремлении Греции осуществить присоединение острова к Греции. В их работах ничего не говорится о вмешательстве Турции и других стран НАТО во внутренние дела Кипрской республики, всячески превозносится роль НАТО как организации, способной решить кипрскую проблему, принижая тем самым роль ООН. В целом в работах тех и других красной нитью прослеживается стремление представить кипрский кризис как спор только между Грецией и Турцией, предлагая примирение за счёт суверенитета Кипра.

Особую значимость представляют материалы первого демократического журнала «Акис», который начал издаваться как раз в период «становления» кипрского вопроса в 1950-е гг. То, что этот вопрос вплоть до государственного переворота 1960 г. был «одним из главных и ведущих тем в турецкой периодике» отмечал Метин Тамкоч, первый библиограф по внешнеполитической тематике в турецкой историографии [1, р. 7].

В статье на основе доступных работ российских, западноевропейских, американских и турецких авторов, а также материалов журнала «Акис» освещается история возникновения и эволюция кипрского вопроса. Актуальность и значимость исследуемой темы имеет прямое отношение к оценке сложившейся сегодня взрывоопасной ситуации в районе Восточного Средиземноморья и всего Ближнего Востока.

Из истории возникновения кипрской проблемы

В 1573 г. остров Кипр был отвоёван Османской империей у Венеции и находился в составе турецкой империи до 1878 г. Именно в тот период на Кипр началось переселение турецкого населения. Характерно, что взаимоотношения между греческой и турецкой общинами на острове были вполне нормальными. В 1878 г. по соглашению с Англией Кипр был передан во временное управление Англии, оставаясь формально частью турецкого государства. На острове разместились английские войска. После Первой мировой войны 5 ноября 1914 г. Англия объявила об аннексии острова, что было закреплено решением Лозаннского мирного договора от 4 июня 1923 г. В 1925 г. Кипр был официально провозглашен британской колонией. Вплоть до Второй мировой войны киприоты-греки и киприоты-турки совместно боролись за

расширение автономии Кипра в рамках Британской империи. В годы Второй мировой войны Кипр как колония Англии оказался в состоянии войны с фашистским блоком и временно был оккупирован Италией. После войны до 1960 г. считался колонией Англии.

Необходимо подчеркнуть, что турецкие правящие круги вплоть до середины 1950-х гг. не проявляли какого-либо интереса к Кипру и тем более к положению турецкого населения острова. По мнению турецкого исследователя Фахира Армаоглу, «усилия турецкого правительства в тот период были направлены на расширение и укрепление приобретённой безопасности» (речь идёт о вступлении Турции в НАТО – Прим. автора). «Таким образом, – писал Армаоглу, – это событие явилось основной причиной того, что турецкое правительство совсем не проявляло интереса к кипрскому вопросу и вело себя к нему крайне пассивно» [2, с. 3]. Американский исследователь Ференц Вали также признавал исключительно спорный характер кипрского конфликта между британской колониальной администрацией на острове и его греческим населением [3, р. 228].

Однако с 1954 г., когда Греция приняла решение перенести спор на обсуждение в ООН и конфликт принял международный характер, Турция открыто вмешалась в кипрские дела.

Греческое большинство острова сразу после окончания Второй мировой войны стало требовать право на самоопределение, выдвинув лозунг «присоединения» (энозис) Кипра к Греции, активно поддержанный греческим правительством.

15-20 января 1950 г. на Кипре состоялся всенародный плебисцит, в котором абсолютное большинство населения острова высказалось за воссоединение с Грецией. С такой ситуацией решительно не была согласна турецкая община острова, которая в свою очередь получила полную поддержку со стороны Турции. Турция сразу предъявила свои претензии на остров, хотя по Лозаннскому договору 1923 г. официально отказалась от прав на него и согласно ст. 20 упомянутого договора она признала аннексию Кипра, провозглашённую Англией 5 ноября 1914 г. [4, с. 205]. Турецкие правящие круги неоднократно напоминали, что до перехода под английское управление Кипр «являлся более 300 лет владением Османской империи» и что «Кипр является частью Турции с географической и исторической точек зрения» [5, с. 203].

С этого времени кипрский вопрос стал основной темой турецкой внешней политики в 1955-1960 гг. [6, с. 809]. По мнению Омера Кюркчюоглу, ведущего исследователя внешней политики Турции в 1950-е гг., кипрская проблема «отодвинула все внутривосточные события в стране» [7, с. 9].

Все политические силы Турции были едины в кипрском вопросе. Лидер главной оппозиционной партии страны – Народно-республиканской партии (НРП) – Исмет Иненю в своём заявлении от 28 августа 1954 г. заявил: «Мы решительно против каких-либо изменений в статусе Кипра, и мы согласны со всеми мерами, которые предпримет правительство для защиты жизни и имущества наших братьев на Кипре» [8, с. 348].

Ситуацию усугубляло вмешательство в кипрский вопрос стран НАТО и США. Удобное месторасположение острова Кипр на стыке трёх континентов – Европы, Азии и Африки – как «естественного авианосца» был для них очень подходящим плацдармом для контроля над всем обширным районом Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока вплоть до Персидского залива.

В 1950-е гг. значение острова как опорного пункта НАТО ещё более возросло в связи с решением Англии в декабре 1952 г. перенести центр Средневосточного командования своих вооружённых сил на Ближнем Востоке из Египта на Кипр. «Защищая политику своего правительства на Кипре, – пишет американский историк Джон Кэмпбелл, – премьер-министр сэра Антони Иден ясно заявил, что Британия уцепилась за остров так цепко по одной единственной причине: он был необходим для поддержания британских интересов на Ближнем Востоке» [9, р. 169]. Главнокомандующий английскими вооружёнными силами на Ближнем Востоке генерал Роджер Бауэр в интервью газете «Дейли телеграф» сказал по-военному прямо: «Английские базы на Кипре – это единственное, что позволяет нам выполнить наши обязательства перед СЕНТО и поддерживать южный фланг НАТО. Если бы здесь нас не было, мы потеряли

бы все свое влияние на Ближнем Востоке» [Цит. по: 10, с. 142]. «План превращения Кипра в базу НАТО, – пишет российский историк А. Н. Красильников, – созрел именно в 1954 г. в связи с ликвидацией английских военных баз в зоне Суэцкого канала» [11, с. 236].

Кипрская проблема на страницах «Акиса»

Тон материалов еженедельника «Акис» явно свидетельствовал о стремлении оправдать сохранение английского господства на Кипре, в первую очередь как базы НАТО. «Акис» с удовольствием приводил слова министра иностранных дел Англии Селвина Ллойда о том, что «со стратегической точки зрения Кипр важен не только для Англии, но и для Турции» [Цит. по: 5, с. 204]. На страницах журнала открыто выражалось беспокойство по поводу склонности английского руководства вести переговоры с Макариосом (лидером греческой общины) о будущем статусе острова. «Безусловно, – писал «Акис», – Макариос – за самоопределение Кипра и рассчитывает на греческое большинство в парламенте, где греки составляют 4/5 часть депутатов, турки – 1/5. Это значит связать судьбу острова с переходом его в руки греков. Известно и первое решение такого парламента – объединение с Грецией» [12, с. 4].

По мнению журнала, англичане совершили ошибку, арестовав и выслав Макариоса на Сейшельские острова подобно тому, как в свое время выслали из североафриканского Марокко короля Бен Юсуфа, превратив его в символ борьбы за независимость. «Ту же ошибку, – писал «Акис» – совершила Англия, арестовав и выслав на один из островов Индийского океана Макариоса, превратив его в национального героя. Этой ссылкой Макариоса Англия дала оружие в руки кипрских греков» [13, с. 21].

Политический обозреватель журнала Доган Авджыоглу настаивал на том, что «надо вести общую политику Запада на Ближнем Востоке и что Англия одна не справится. Передача Кипра НАТО не нанесёт вреда ни турецкой, ни греческой национальной гордости» [14, с. 5-6]. Эти слова журнала полностью поддержал лидер главной оппозиционной партии Исмет Иненю» [15, с. 6-7].

Линию сохранения Кипра в качестве базы НАТО полностью поддерживали США. «Кипр сохраняет определённое военное значение как в стратегии НАТО, – писал американский историк Джон Кэмпбел, – так и в позиции Запада на Ближнем Востоке, который имеет жизненно важное значение для НАТО» [9, р. 169]. Поддерживая устремления США, «Акис» подчеркивал: «Кипр мог бы стать превосходной морской базой для 6-го американского флота на Средиземном море» [15, с. 5-6].

Кипрская проблема и политика Турции на Ближнем Востоке

Кипрский вопрос получил мощный международный резонанс в 1954 г., когда Греция внесла его на рассмотрение в ООН. Турецкий делегат категорически выступил против обсуждения вопроса о предоставлении Кипру права на самоопределение, заявив, что это «внутреннее дело Англии» [5, с. 201].

С этого времени, как считают турецкие исследователи, «кипрский вопрос стал одним из главных во всей внешней политике Турции» [16, с. 293].

Правительство Турции в ответ на действия Греции ответило притязаниями на часть территории острова, потребовало сохранения статус-кво либо передачи Кипра полностью Турции.

Журнал полностью поддержал позицию правительства, которое решительно выступило против планов Великобритании предоставить «ограниченное самоуправление в рамках Британского содружества» [14, с. 5-6].

Напряжённость в турецко-греческих отношениях оказала непосредственное влияние на ухудшение арабо-турецких отношений в этот период. Премьер-министр Турции Аднан Мендерес в интервью газете «Таймс» заявил, что «Турция и Англия в отличие от Греции имеют обязанности на Среднем Востоке» [Цит. по: 5, с. 204].

В связи с падением авторитета Турции в арабском мире в период работы в 1955 г. Бандунгской конференции неприсоединившихся стран в Дели, где её представитель выступил открытым защитником Запада, большинство арабских стран, как известно, при голосовании в ООН по кипрскому вопросу склонилось на сторону Греции.

Даже Ирак, будучи союзником Турции по Багдадскому пакту, при голосовании в ООН занял сторону этого большинства. При этом официальный Багдад всю вину свалил на иракского представителя в ООН, мол, он действовал вопреки данным ему инструкциям. «Нас за детей принимают!» – возмущался «Акис» по этому поводу [17, s. 7].

По мнению турецкого исследователя Эрогула Джема, в тот период «Турция пригрела на своей груди главного врага нашего самого важного национального дела. Это – очевидное доказательство недалёковидности нашей внешней политики» [18, s. 60].

Политический обозреватель журнала Айдемир Балкан призвал правительство поддержать блок мусульманских государств при обсуждении алжирского вопроса в ООН с целью заручиться их голосами при обсуждении кипрского вопроса. «Пока не будут осуществлены радикальные перемены во внешней политике, – писал Балкан, – мы обречены на одиночество в кипрском вопросе [19, s. 19].

Только неарабские члены Багдадского пакта, собравшиеся на очередное совещание в Стамбуле, поддержали Турцию в кипрском вопросе.

Осенью 1955 г. кипрский вопрос резко усугубили антигреческие погромы 6-7 сентября, получившие широкое освещение на страницах «Акиса» [20]. Греческое население Стамбула начало массово покидать Турцию.

Позже, во время суда на Ясыада над деятелями свергнутой Демократической партии, выяснилось, что антигреческие погромы были организованы по приказу прежнего правительства, в частности, премьер-министром Мендересом и министром внутренних дел Гедиком [21, с. 139].

В связи с ухудшением арабо-турецких отношений из-за кипрского вопроса журнал высказал своё мнение: «Как бы не был решён кипрский вопрос, в турецкой внешней политике не должно быть никаких перемен» [22, s. 9].

Вместе с тем «Акис» расценивал претензии турецкого правительства на весь остров как серьёзную ошибку, «которая лишь на руку грекам и из-за неё мировое общественное мнение склонилось на сторону греческого тезиса» [23, s. 7] и как отход от тезиса «раздела».

Критике подвергся министр обороны Турции Этхем Мендерес, который в интервью одной из немецких газет заявил: «Если будет отвергнута идея «раздела», то правительство республики предпримет все необходимые меры для защиты турок на острове» [24, s. 5]. А на вопрос корреспондента одной из турецких газет: означает ли это отправку турецкого флота на Кипр и высадку там турецких войск? – ответил: «Турция должна предпринять все необходимые меры» [25, s. 19]. Министр иностранных дел Фатин Рюшту Зорлу был раскритикован «Акисом» за частое использование лозунга «Кипр – наш». «Этот путь, – подчёркивал журнал, – ни на пядь не приблизил остров к нам» [26, s. 5]. Лидер НРП Исмет Иненю назвал поведение правительства «авантюризмом» [8, s. 356].

Наряду с лозунгом «Кипр – наш!» в конце ноября 1956 г. правительство инициировало лозунг «раздела» (taksim) острова, который сразу стал широко культивироваться как среди турецкой общины на острове, так и в самой Турции [16, s. 381].

«Раздел острова, – заявил в меджлисе Мендерес, – обеспечит проживание наших единоплеменников под турецким флагом» [16, s. 309].

«Акис» на своих страницах широко пропагандировал единство позиций правительства и оппозиции относительно нового лозунга «раздела». «То, что внутривластные разногласия не подрывают это единодушие, – писал журнал, – является для нашей страны истинным счастьем» [27, s. 11].

Однако на страницах журнала можно найти материалы, которые свидетельствовали о том, что турецкая оппозиция не сразу поддержала этот лозунг. Современные турецкие политологи также отмечают определённую настороженность на первых порах в оппозиционных кругах, «которые опасались маневров английской дипломатии на Кипре не в пользу турок» [16, s. 383]. Например, лидер НРП Исмет Иненю в своей речи 8 октября 1957 г. в Эдирне, касаясь кипрского вопроса, сказал буквально следующее: «Есть две причины того, что я не вмешива-

юсь в вопросы внешней политики. Во-первых, в сущности, у нас с правительством нет больших разногласий. Во-вторых, не хочу, чтобы оно не испытывало новые трудности» [16, s. 383]. В другом своём выступлении Иненю сетовал на отсутствие достаточной информации по Кипру у оппозиции для принятия твёрдой позиции [28, s. 76]. Отсутствие определённости в позиции НРП в кипрском вопросе отмечал и главный редактор журнала Метин Токер [29, s. 75].

Генеральный секретарь НРП Касым Гюлек, выступая в меджлисе, требовал полной информации о ходе переговоров в Париже между министрами иностранных дел Турции и Греции в декабре 1958 г. «Что бы там ни было, – говорил Гюлек, – правительство должно дать соответствующее разъяснение в меджлисе. Кипрский вопрос – главное дело нации» [30, s. 392].

«Акис» в кипрском вопросе высказывал более радикальные взгляды, неоднократно призывая оппозицию к решительности в отстаивании «Национального дела». Журнал критиковал «слабость» позиции НРП в отстаивании нового тезиса «раздела», говоря, что «она до конца не ясна, поскольку партия иногда требует весь остров» [31, s. 5].

Однако очень скоро НРП подтвердила свою приверженность тезису «раздела» в кипрском вопросе. Лидер НРП Исмет Иненю дал специальное интервью «Акису» по этому поводу [32, s. 6-7]. В качестве главной причины кризиса на острове Иненю назвал действия подпольной террористической греческой организации ЭОКА, выступавшей за присоединение Кипра к Греции. «Террористы должны знать, – предупреждал он, – что турецкое общественное мнение не останется сторонним наблюдателем этого». «Объявление правительством тезиса «раздела» как официальной политики, безусловно, встретило нашу поддержку, – заявил лидер оппозиции, – и эта политика стала общим паролем нации».

Турецкое правительство при единодушной поддержке оппозиции отвергло предложенный Англией т.н. «план Макмиллана», который предусматривал 2-летний период существования временного руководства островом, при котором вводилось тройное управление, опирающееся на сотрудничество Англии, Греции, Турции, турецкой и греческой общин. Как констатировали турецкие политологи, «план Макмиллана» Греция, Турция и Макариос единодушно отвергли» [16, s. 355-386]. Американский ученый Ференц Вали не преминул заметить, что «этот план был приемлем для турецкого правительства, однако Афины и Макариос его отвергли» [3, p. 236].

«Акис», выражая единую общетурецкую позицию по поводу возможного предоставления Кипру права на самоопределение писал: «Турция, естественно, не может принять это предложение» [33, s. 10]. Однако, подводя итоги за 1957 г., журнал был вынужден признать: «Можно сказать, что для турецкой внешней политики 1957 год не был столь удачным. Стало ясно: тезис о «разделе» в кипрском вопросе никто кроме нас не поддерживает. Не надо быть ясновидцем и говорить, что в случае если мы не изменим свои действия в нашей внешней политике, в этом году на Кипре может быть признано право на самоопределение» [34, s. 19].

16 июня 1958 г. турецкий парламент официально принял решение о разделе острова между обеими общинами и оповещении об этом мирового сообщества [16, s. 385].

Однако в течение того же 1958 г. под беспрецедентным давлением своих западных союзников и особенно США Турция и Греция дали согласие на провозглашение независимости Кипра.

Цюрихско-Лондонские соглашения в освещении «Акиса»

С февраля 1959 г. начались двусторонние переговоры между Турцией и Грецией в Цюрихе и Лондоне по урегулированию кипрского вопроса. 19 февраля 1959 г. сторонами было подписано Соглашение о предоставлении Кипру независимости, что стало, без сомнения, шагом вперёд по сравнению с колониальным статусом острова.

16 августа 1960 г. было провозглашено создание Республики Кипр. Достижение официальной независимости, безусловно, можно считать крупнейшей победой всего кипрского народа в борьбе за подлинную независимость.

Согласно Цюрихско-Лондонскому соглашениям государства-гаранты – Греция, Турция и Англия – обязались соблюдать независимость и конституционное устройство Кипра. «Это

было, – писал Ференц Вали, – приятным сотрудничеством между Анкарой и Лондоном» [3, p. 149].

Но, как показали последующие события, соглашения не только не устранили англо-греко-турецкие противоречия по окончательному решению кипрского вопроса, а лишь осложнили внутреннюю обстановку на острове. Например, по Договору о союзе между Кипром, Грецией и Турцией Кипру навязывалась совместная оборона, а Англия по-прежнему сохраняла свои военные базы на острове.

«Эти соглашения, – считает российский исследователь Б. М. Поцхверия, – были проявлением политики вмешательства во внутренние дела Кипра» [5, с. 210].

Несмотря на то что Соглашение было поддержано правительством страны, «Акис» продолжал отстаивать лозунг «Раздела» острова, заявляя, что «господство, опирающееся на греческое большинство, при первой возможности задавит турок и сделает их проживание на острове невозможным и лишь раздел острова может предотвратить подобное развитие» [35, s. 5]. Передовая статья журнала выступила с нападками на Конституцию объявленной Республики Кипр как «играющую на руку греческому тезису «присоединение» [36, s. 5]. «Складывается печальное впечатление, – говорилось в другой передовой статье, – что в решении кипрского вопроса исчез межпартийный дух «национального дела» и что Турция ведёт обыкновенный торг, серьёзно не воспринимая тезис «раздела». [37, s. 5]. «Между тем, совершенно очевидно, – писал журнал, – что Соглашение, подписанное в Цюрихе, нанесло большой урон кипрским туркам и особенно Турции. Тезис «раздел» канул в лету и по этому Соглашению решено создать на Кипре правительство под властью греков. Турция же с отказом от тезиса «раздела» так и не нашла среднего пути решения ситуации» [38, s. 6-7].

НРП, которая ещё до начала переговоров в Цюрихе и Лондоне заявляла о том, что она будет голосовать против любых изменений в статусе острова, вновь поставила в меджлисе вопрос о восторженности доверия правительству [39, s. 221].

Исмет Иненю, выступая в меджлисе 4 марта 1959 г., заявил о том, что «Цюрихско-Лондонские соглашения не дают достаточной гарантии от энтозиса» [16, s. 398].

Интересно, что уже после революции 1960 г. официальные лица победившей НРП сетовали на то, что «если бы низложенное правительство ДП согласилось со взглядами НРП, то стало бы возможным претворение в жизнь «плана Макмиллана» от 19 июня 1958 г. и был бы гарантирован сегодняшний статус по защите законных интересов Турции и прав наших братьев на Кипре» [40, s. 10-11].

Материалы «Акиса» по кипрскому вопросу за период с 1954 по 1959 г. свидетельствовали о том, что Цюрихско-Лондонские соглашения не только не устранили англо-греко-турецкие противоречия, но и увеличили пропасть разногласий между правительством и оппозицией накануне государственного переворота 1960 г. Как писал известный турецкий политолог Фахир Армаоглу: «Если в вопросах внешней политики Турции правительство и оппозиция в целом действовали сообща, то результаты подписания Цюрихско-Лондонских соглашений уже не могли обеспечить существовавшего единства в ней» [2, s. 544].

После государственного переворота 1960 г. в Турции напряжённость между греческой и турецкой общинами в Республике Кипр продолжала возрастать. Кипрский парламент, требуя аннулирования Цюрихско-Лондонских соглашений, поставил на повестку дня вопрос о создании регулярной кипрской армии при содействии Греции. В ответ турки-киприоты стали создавать свои органы управления и государственные службы, требуя раздела острова. В августе 1964 г. турецкая авиация начала бомбардировки с целью поддержки турок-киприотов. Турция выступила за принцип федеративного устройства Республики Кипр.

4 марта 1964 г. по решению СБ ООН на Кипр были введены войска ООН.

С середины 60-х гг. община создала свою турецкую администрацию, турки вообще перестали избирать представителей в кипрский парламент. В начале 1974 г. накануне вторжения турецких войск местная администрация ввела свою денежную единицу – лиру, превратив фактически территорию турецкой общины в «государство в государстве».

Межэтническое противостояние на Кипре достигло своего апогея в середине 1974 г., когда греческие националисты, свергнув президента Макариоса, объявили о присоединении острова к Греции. В ответ на Кипр вторглась турецкая армия, захватив 37% территории на севере острова, де-факто расколов страну. Таким образом, Кипр стал второй страной после участия в корейской войне начала 50-х гг. в послевоенной истории Турции, куда были введены турецкие вооружённые силы.

Ситуация на острове ещё более ухудшилась в связи с военным переворотом «чёрных полковников» в 1967 г. в Греции и возобновлением террористической деятельности ЭОКА на Кипре. Турецкая газета «Джумхуриет» писала, что «Таксим» (раздел) стал знаменем обороны против «Энозиса» (присоединения)» [Цит. по: 5, с. 232].

Весной 1974 г. ситуацию обострило открытое столкновение Турции с Грецией из-за континентального и островного шельфа в Эгейском море, где были обнаружены месторождения нефти и газа. 15 июля 1974 г. президент Республики Кипр Макариос был свергнут греческими путчистами. После вторжения турецких войск на север острова началось масштабное перемещение местного населения: греки бежали из оккупированной зоны на юг, а турки стали переселяться на север. Одновременно из Турции в оккупированную зону началось переселение этнических турок, что быстро изменило демографическую ситуацию на острове. Турецкая сторона выдвинула предложение, практически оформляющее раздел острова при формальном сохранении его государственного единства.

13 февраля 1975 г. турки-киприоты провозгласили создание собственного государственного образования «Федеративное турецкое государство Республики Кипр», проведя выборы в свой законодательный орган.

15 ноября 1983 г. руководство турецкой общины объявило о создании Турецкой республики Северного Кипра (ТРСК). Президентом избрали Рауфа Денкташа. СБ ООН своей резолюцией № 541 призвал международное сообщество не признавать никакое кипрское государство кроме Республики Кипр.

Заключение

Кипрский вопрос имел и имеет жизненно важное значение как для судеб народов региона, так и для сохранения баланса военно-стратегических сил в обширном районе Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока. Свидетельством этому являются перипетии международных конфликтов, начиная с 50-х гг. прошлого столетия.

Ведущий современный специалист по проблемам внешней политики Турции на Ближнем Востоке Омер Кюркчюоглу расценивает Кипр в качестве третьего фактора (после «исторического и западного»), который оказывает непосредственное влияние на ближневосточную политику страны [7, s. 8].

В работах части турецких исследователей можно найти материалы, которые открыто критикуют одностороннюю прозападную внешнюю политику Турции. Например, известный политолог Исмаил Джем пишет: «Политика сателлита, к которой нас вынудила НАТО, сделала Турцию сторожем незаконных материальных выгод на Ближнем Востоке и которые к нам не имеют никакого отношения. В этой ситуации совершенно естественно то, что Турция теряет свой авторитет в регионе и более того, она обрекает себя на одиночество даже в её самом спрavedливом деле – в вопросе о Кипре» [41, s. 525].

«Выход темы внешней политики на передний план, – пишет тот же Кюркчюоглу, – стал возможным благодаря кипрскому кризису. Выявилась острая потребность в ревизии турецкой внешней политики. Голосование по кипрскому вопросу в ООН в декабре 1965 г. стало поворотным пунктом в политике на Ближнем Востоке» [7, s. 9]. В том далёком 1965 г. арабский мир поддержал противника Турции Грецию в кипрском вопросе. Использование в прошлом кипрских баз в антиарабских целях «продолжает оставаться и сегодня актуальной темой, которая волнует народы региона, требующие стабильной обстановки на Кипре» [42, с. 28].

Кипрская проблема стала одной из главных причин появления «новых нюансов» в 1960-70-е гг., когда «выявившаяся несостоятельность курса односторонней ориентации на

США, учёт ближневосточной ситуации вынуждали турецкое руководство маневрировать» [43, с. 134].

Значительное влияние также оказали результаты голосования в ООН по кипрскому вопросу в 1964 г.: Турцию поддержали лишь США, Пакистан, Иран и Албания. «Антиарабская политика Турции в 50-е гг., – пишет Кюркчюоглу, – привела к результатам голосования 1964 г., которые были predeterminedены практически ещё в 1955 г.» [7, с. 78].

Кипрский вопрос явно явился катализатором перемен во внешней политике Турции в целом и в ближневосточной, в частности. С этого времени он «стал причиной самых жарких дебатов по вопросам внешней политики в турецком меджлисе» [44, с. XVII].

«Новые нюансы» в ближневосточной политике Турции проявились с середины 1960-х гг., когда она приступила к активному сотрудничеству с арабскими странами с «целью заручиться, в первую очередь, их поддержкой в кипрском вопросе» [45, с. 15].

Как пишет Б.Н. Поцхверия, «кипрский вопрос был одним из главных факторов на пути нормализации отношений между Турцией и большинством арабских стран» [5, с. 68].

Такого же мнения придерживаются и большинство современных турецких политологов. Дальнейшие шаги турецкого руководства, особенно после государственного переворота 1960 г. показали, что, не получив поддержки у своих традиционных союзников по вопросу о Кипре, «Турция приступила к новой политике на Ближнем Востоке на многосторонней основе ради собственных интересов» [16, с. 456].

Все эти перемены свидетельствуют о том, что кипрский вопрос тесно связан со всей ближневосточной политикой Турции с середины 50-х гг. прошлого столетия. Он и в наши дни, несмотря на второстепенные разногласия с западными партнёрами, продолжает нести бремя прошлых проблем.

Анализ материалов «Акиса», вышедших в 1950-е гг., свидетельствует о том, что он совместно с оппозицией, несмотря на то, что решения Цюрихско-Лондонских соглашений были встречены большинством населения страны с одобрением, занял более непримиримую позицию, чем правительство Турции в вопросе о праве на самоопределение Кипра. Такой же подход к «национальному делу» страны характерен для правящих кругов Турции и сегодня. Тайип Эрдоган после избрания его президентом Турции свой первый зарубежный визит сделал в ТРСК, приурочив его к 37-летию высадки турецких войск на остров.

Реальность создания ТРСК такова, что она поставила на карту само существование Республики Кипр как независимого государства, разрушив его территориальную целостность.

Ход событий на острове в наши дни постоянно свидетельствует о том, что Запад и США, пользуясь сложившейся сложной ситуацией на Кипре и тем, что Турция является членом НАТО, продолжают вмешиваться во внутреннюю жизнь острова. Недавно парламент Кипра единодушно проголосовал за вступление в НАТО.

Из всего сказанного можно с большой долей уверенности сделать вывод о том, что мир на «зелёном острове» восторжествовал бы гораздо раньше, если бы его проблема не создавалась вне Кипра и не без спора за обладание им между странами НАТО и США. Именно военно-стратегическая значимость острова стала основной причиной вмешательства НАТО и США в целях реализации их политических и экономических устремлений в регионе Ближнего и Среднего Востока. Другими словами, в данном случае международные аспекты кипрского вопроса явно оказывают доминирующее влияние на внутреннюю ситуацию на острове.

Непримиримая позиция турецкого руководства в отношении будущего статуса Кипра, безусловно, оказывает и будет оказывать существенное влияние на европейскую политику Турции. Например, она может стать непреодолимым препятствием для вступления Турции в ЕС: заранее известна реакция Греции, обладающей как член ЕС, правом вето, и греческого парламента Кипра, проголосовавшего на днях за вступление в НАТО.

Вся эта ситуация вокруг Кипра создаёт сегодня постоянный источник напряжённости в районе всего Средиземного моря.

Одно из обязательных условий, если не единственное, которое позволит найти выход из тупика – невмешательство извне, отказ от попыток навязать киприотам чуждое их интересам решение. Конкретные же формы государственного устройства на Кипре должны решаться только самими киприотами – греками и турками – путём мирных и конструктивных переговоров.

Литература

1. Tamkoç Metin. A bibliography on the foreign relations of the Republic of Turkey 1919–1967, and brief Bibliographies of Turkish Statesmen. – Ankara, Middle East tech. univ., Fac. Of administrative sciences, 1968. – 248 p.
2. Armaoğlu F. Kıbrıs meselesi (1954–1959): Türk hükümeti ve kamu oyunun davranışları. – Ankara, Sevinç Matbaası, 1963. – 585 s.
3. Vali Ferenc A. Bridge across the Bosphorus. The foreign policy of Turkey. 1-st edition (April 1; 1971). – Hardcover: The Jhon Hopkins Press. – 1971. – 410 p.
4. Ключников А. В., Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 3, вып. 2. – М.: Литиздат НКВД, 1929. – 367 с.
5. Поцхверия Б. М. Внешняя политика Турции после Второй мировой войны. – М.: Наука, 1976. – 306 с.
6. Armaoğlu F. H. Siyasi tarih. 1789-1960. – Ankara, Sevinç Matbaası, 1964. – 826 s.
7. Kürkçioğlu, Ömer. Türkiyenin Arap Orta Doğusuna karşı politikası (1945–1970). – Ankara: Sevinç Matbaası, 1972. – 207 s.
8. İnönü, İsmet Muhalefetde. 1950 – 1956. Konuşmaları, demeçleri, mesajları, sohbetleri ve yazılarıyla. – İstanbul, Sıralar Matbaası, 1956 – 412 s.
9. Campbell, J.C. Defense of the Middle East. Problems of American Policy – N.Y. Published for the Council on Foreign Relations by Harper, 1958. – 392 p.
10. Степанов С. Независимость Кипра и военные базы // Международная экономика и международные отношения. – 1960. – № 10.
11. Красильников А. Н. Внешняя политика Англии и Лейбористская партия (1951-1968). – М.: Наука, 1968. – 435 с.
12. Akis, c. 6, 1956, 10 Mart, № 96.
13. Akis, c. 6, 1956, 17 Mart, № 97.
14. Avcioglu D. Kıbrıs meselesi // Akis, c. 9, 1957, 23 Şubat, № 146.
15. İnönü İ. Kıbrıs dair Düşüncelerim // Akis, c. 13, 1958, 21 Haziran, № 215.
16. Olaylarla Türk Dış Politikası (1919 – 1965). 2-ci baskı. – Ankara: Sevinç Matbaası, 1969. – 524 s.
17. Akis, c.12, 1958, 4 Ocak, № 191.
18. Eroğul Cem Demokrat Parti (Tarihi ve ideolojisi) – Ankara, A.Ü.S.B.B.F. Yayınları, № 294, 1970. – 228 s.
19. Balkan A. Cezayir meselesi karşısında Türkiye // Akis, c. 9, 1957, 9 Mart, № 148.
20. Желобцов Ф. Ф. Урок демократии в истории республиканской Турции (от нейтралитета к оппозиции: турецкий еженедельный журнал «Акис» в борьбе за демократию в 50-е годы). – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2008. – 117 с.
21. Гасратян М.А. О политике турецких правящих кругов в национальном вопросе // Проблемы современной Турции. – М.: Изд-во Института народов Азии АН, 1963.
22. Akis, c. 13, 1958, 31 Mayıs, № 212.
23. Akis, c. 9, 1957, 5 Aralık, № 13925.
24. Akis, c. 10, 1957, 25 Mayıs, № 159.
25. Kıbrıs. Çıkmaz Sokakta Vals // Akis, c. 12, 1958, 5 Nisan, № 204.
26. Toker M. Kıbrıs Polikikası // Akis, c. 11, 1957, 21 Aralık, № 189.
27. Dış politikamıza bakış // Akis, c. 4, 1955, 27 Ağustos, № 68.
28. Soysal M. Dış Politika ve Parlamento. Dış Politika alanındaki Yasama-Yürütme İlişkileri üzerinde karşılaştırmalı bir inceleme. – Ankara, Sevinç Matbaası, 1964. – 294 s.
29. Toker M. İsmet paşayla 10 yıl. 2 c. – Ankara, Ajans-Türk Matbaası, 1966. – 248 s.
30. Özbudun Ergun The role of the military in recent Turkish politics. Harvard University. Center for International Affairs. Number 14. November 1966.
31. Muhalefet ve Kıbrıs // Akis, c. 10, 1957, 20 Temmuz, № 167.
32. İnönü İ. Kıbrıs dair Düşüncelerim // Akis, c. 13, 1958, 21 Haziran, № 215.
33. Akis, c. 9, 1957, 27 Haziran, № 168.

34. Geçen yıla bakarken // Akis, c. 12, 1958, 5 Ocak, № 191.
35. Kıbrıs // Akis, c. 14, 1959, 21 Şubat, № 242.
36. Feyzioğlu, T. Neden Kırmızı ay// Akis,c. 15, 1959, 14 Mart, № 245.
37. Hayal, Hakikat ve Propaganda// Akis, c.15, 1959, 7 Mart, № 244.
38. Ya Taksim, ya Ölüm// Akis, c. 14, 1959, 14 Şubat, № 241.
39. Soysal M. Dış Politika ve Parlamento. Dış Politika alanındaki Yasama-Yürütme İlişkileri üzerinde karşılaştırmalı bir inceleme. – Ankara, Sevinç Matbaası, 1964. – 294 s.
40. Dış Politika. CHP. Araştırma ve Yıyın Bürosu – Ankara, Yayın № 25, 1961.
41. Cem İsmail Türkiyede geri kalmışlığın tarihi. 5bs. İstanbul, İş Bankası Kültür Yayınları, 1975. – 576 s.
42. Шмаров В. А. Кипр в средиземноморской политике НАТО. – М.: Наука, 1982. – 247 с.
43. Иванова И. И. Турецко-арабские отношения и их место в системе международных связей на Ближнем Востоке (1945–1983). – М.: Наука, 1985. – 148 с.
44. Sezer D. Kamu oyu ve Dış Politika. – Ankara, Sevinç Matbaası, 1972. – 584 s.
45. Alexandrov E. Turkey's foreign policy and the problems of our time // Etudes balkaniques. – Sofia, 1973. – № 1. – P. 15-17.

References

1. Tamkoç, Metin A bibliography on the foreign relations of the Republic of Turkey 1919–1967, and brief Bibliographies of Turkish Statesmen. – Ankara, Middle East tech. univ., Fac. Of administrative sciences, 1968. – 248 p.
2. Armaoğlu, F. Kıbrıs meselesi (1954–1959): Türk hükümeti ve kamu oyunun davranışları. – Ankara, Sevinç Matbaası, 1963. – 585 s.
3. Vali, Ferenc A. Bridge across the Bosphorus. The foreign policy of Turkey. 1-st edition (April 1; 1971). – Hardcover: The Jhon Hopkins Press. – 1971. – 410 p.
4. Kljuchnikov A.V., Sabanin A.V. Mezhdunarodnaja politika novejshego vremeni v dogovorah, notah i deklaracijah. – М.: Litizdat NKID, 1929, ch. 3, vyp. 2. – 367 s.
5. Pochverija B. M. Vneshnjaja politika Turcii posle vtoroj mirovoj vojny. – М.: Nauka, 1976. – 306 s.
6. Armaoğlu, F. H. Siyasi tarih. 1789–1960. – Ankara, Sevinç Matbaası, 1964. – 826 s.
7. Kürkçüoğlu, Ömer. Türkiyenin Arap Orta Doğusuna karşı politikası (1945–1970). – Ankara: Sevinç Matbaası, 1972. – 207 s.
8. İnönü, İsmet Muhalefetde. 1950–1956. Konaşmaları, demeçleri, mesajları, sohbetleri ve yazılarıyla. – İstanbul, Sıralar Matbaası, 1956. – 412 s.
9. Campbell, J.C. Defense of the Middle East. Problems of Amerisan Policy – N.Y. Published for the Council on Foreign Relations by Harper, 1958. – 392 p.
10. Stepanov S. Nezavisimost' Kipra i voennye bazy // Mezhdunarodnaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. – 1960. – № 10.
11. Krasil'nikov A. N. Vneshnjaja politika Anglii i Lejboristskaja partija (1951– 1968). – М.: Nauka, 1968. – 435 s.
12. Akis, c. 6, 1956, 10 Mart, № 96.
13. Akis, c. 6, 1956, 17 Mart, № 97.
14. Avcioglu D. Kıbrıs meselesi // Akis, c. 9, 1957, 23 Şubat, № 146.
15. İnönü, İ. Kıbrıs dair Düşüncelerim // Akis, s. 13, 1958, 21 Haziran, № 215.
16. Olaylarla Türk Dış Politikası (1919–1965). 2-ci baskı. – Ankara: Sevinç Matbaası, 1969. – 524 s.
17. Akis, c.12, 1958, 4 Ocak, № 191.
18. Eroğul, Cem Demokrat Parti (Tarihi ve ideolojisi) – Ankara, A.Ü.S.B.B.F. Yayınları, № 294, 1970. – 228 s.
19. Balkan A. Cezayir meselesi karşısında Türkiye // Akis, c. 9, 1957, 9 Mart, № 148.
20. Zhelobcov F. F. Urok demokratii v istorii respublikanskoj Turcii (ot nejtraliteta k oppozicii: tureckij ezhenedel'nyj zhurnal «Akis» v bor'be za demokratiju v 50-e gody). – Jakutsk: İzd-vo JaGU, 2008. – 117 s.
21. Gasratjan M.A. O politike tureckih pravjashhiih krugov v nacional'nom voprose // Problemy sovremennoj Turcii. – М.: İzd-vo Instituta narodov Azii AN, 1963.
22. Akis, s. 13, 1958, 31 Mayıs, № 212.
23. Akis, c. 9, 1957, 5 Aralık, № 13925.
24. Akis, s. 10, 1957, 25 Mayıs, № 159.
25. Kıbrıs. Çıkmaz Sokakta Vals // Akis, s. 12, 1958, 5 Nisan, № 204.
26. Toker, M. Kıbrıs Polikikası// Akis, s. 11, 1957, 21 Aralık, № 189.

27. Dış politikamıza bakış // Akis, s. 4, 1955, 27 Ağustos, № 68.
28. Soysal, M. Dış Politika ve Parlamento. Dış Politika alanındaki Yasama-Yürütme İlişkileri üzerinde karşılaştırmalı bir İnceleme. – Ankara, Sevinç Matbaası, 1964. – 294 s.
29. Toker, M. İsmet paşayla 10 yıl. 2 c. – Ankara, Ajans-Türk Matbaası, 1966. – 248 s.
30. Özbudun, Ergun The role of the military in recent Turkish politics. Harvard University. Center for International Affairs. Number 14. November 1966.
31. Muhalefet ve Kıbrıs // Akis, c. 10, 1957, 20 Temmuz, № 167.
32. İnönü, İ. Kıbrıs dair Düşüncelerim // Akis, s. 13, 1958, 21 Haziran , № 215.
33. Akis, s. 9, 1957, 27 Haziran, № 168.
34. Geçen yıla bakarken // Akis, c. 12, 1958, 5 Ocak, № 191.
35. Kıbrıs // Akis, c. 14, 1959, 21 Şubat, № 242.
36. Feyzioğlu, T. Neden Kırmızı ay // Akis, c. 15, 1959, 14 Mart, № 245.
37. Hayal, Hakikat ve Propaganda // Akis, c. 15, 1959, 7 Mart, № 244.
38. Ya Taksim, ya Ölüm // Akis, c. 14, 1959, 14 Şubat, № 241.
39. Soysal, M. Dış Politika ve Parlamento. Dış Politika alanındaki Yasama-Yürütme İlişkileri üzerinde karşılaştırmalı bir İnceleme. – Ankara, Sevinç Matbaası, 1964. – 294 s.
40. Dış Politika. CHP. Araştırma ve Yayın Bürosu. – Ankara, Yayın № 25, 1961.
41. Cem, İsmail Türkiyede geri kalmışlığın tarihi. 5bs. İstanbul, İş Bankası Kültür Yayınları, 1975. – 576 s.
42. Shmarov V. A. Kıpr v sredizemnomorskoj politike NATO. – M.: Nauka, 1982. – 247 s.
43. Ivanova I. I. Turecko-arabskie otnoshenija i ih mesto v sisteme mezhdunarodnyh svjazej na Blizhnem Vostoke (1945–1983). – M.: Nauka, 1985. – 148 s.
44. Sezer, D. Kamu oyu ve Dış Politika. – Ankara, Sevinç Matbaası, 1972. – 584 s.
45. Alexandrov, E. Turkey’s foreign policy and the problems of our time // Etudes balkaniques. – Sofia. – 1973. – № 1. – S. 15-17.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ОЛЕКМИНСКОГО РАЙОНА: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В настоящее время из-за возросших этнодемографических и миграционных процессов возник интерес к изучению этнического состава населения того или иного региона. В Якутии исторически сложилось так, что наиболее активные этнические процессы происходили в Олекминском районе. Именно междуречье Лены и Олекмы становится центром развития нового, которое изменит не только исторический облик, но и социально-экономическое развитие региона. Этому способствовали следующие факторы: во-первых, строительство острога – центра административно-территориального развития всего юго-западного района Якутии; во-вторых, сравнительно теплые природно-климатические условия, что позволило району стать центром развития земледелия, которое навсегда изменило практически все слои населения в хозяйственном и культурном плане; в-третьих, именно Олекминский район становится одним из активных мест водворения переселенцев и ссыльных, которые также оказали влияние не только на политическое, но и социально-экономическое развитие местного населения; в-четвертых, немаловажную роль в изменении социального состава населения сыграл факт, что значительная часть Иркутско-Якутского почтового тракта проходила через территорию изучаемого региона, в-пятых, до конца XIX века Витимские и Олекминские золотоносные прииски входили в состав Олекминского округа, что также сыграло огромную роль в формировании межэтнических отношений. В данной статье автор ставит цель рассмотреть историю формирования национального состава Олекминского округа, используя материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. В Национальном архиве РС (Я) сохранился уникальный материал – переписные листы, по материалам которых можно дать демографическую характеристику населения, в том числе и национального состава. В Олекминском районе сложилось уникальное состояние межнациональных взаимоотношений, сложился симбиоз культур коренного и пришлого населения. Изучение истории развития этих явлений позволит создать целостную картину становления межэтнических отношений.

Ключевые слова: национальный состав, перепись населения, переписные листы, коренное население, пришлое население, деятельность, ссыльные, земледелие, прииски.

Т. Т. Kurchatova

The Ethnic Composition of Olyokma District: The History of Formation and Development in the Late 19th-Early 20th Centuries

Currently, due to the increased ethno-demographic and migration processes there has been increasing interest in the study of the ethnic composition of the population of the region. Historically, the most pronounced ethnic processes in Yakutia took place in Olyokma District. That area between the two rivers Lena and Olyokma became the center of new developments that would eventually change not only the historical appearance, but also all the socio-economic development of the area. Several factors contributed to the fact. First, this was the construction of the town, the centre of the administrative-territorial development of the southwest of Yakutia. Second, relatively warm climatic conditions allowed the area to become the center for the development of agriculture, which forever changed virtually all segments of the population in economic and cultural terms. Olyokma District became one of the most attractive places of settlement for migrants and exiles, who also

КУРЧАТОВА Тамара Тимофеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и этнологии исторического факультета СВФУ имени М. К. Аммосова

KURCHATOVA Tamara Timofeevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, History Faculty, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov.

influenced both political and socio-economic development of the local population. To a great extent, the change in the social composition of the population was due to the fact that a significant part of the Irkutsk-Yakutsk post road passed through the territory of the studied district. And finally, until the late 19th century, the Vitim and Olyokma gold mines were a part of Olyokma District, which also played a huge role in shaping its inter-ethnic relations. In this article, the author aims to review the history of the formation of the ethnic composition of Olyokma District, using the materials of the First General Census of 1897. The National Archive of the Sakha Republic (Yakutia) has preserved such a unique material as census questionnaires, which can provide with the demographic characteristics of the population, including the ethnic composition. Olyokma District has developed unique inter-ethnic relations: there was a symbiosis of cultures of indigenous and migrant populations. The study of the history of these phenomena will allow creating a complete picture of the formation of the inter-ethnic relations.

Keywords: ethnic composition, census, census questionnaire, indigenous population, migrant population, activities, exiles, agriculture, gold-mines.

Введение

Одной из основных глобальных проблем человечества являются демографические процессы, в числе которых наиболее активными являются межэтнические отношения как результат массовой миграции населения. Одним из путей решения этих проблем может быть изучение становления межэтнических отношений в отдельно взятом регионе в исторической ретроспективе. В данной статье автор ставит цель изучить историю становления и развития национального состава населения Олекминского района Республики Саха (Якутия). Олекминский район является одним из полиэтнических районов республики, имеющим глубокие исторические корни. Использование материалов переписи населения позволит наиболее достоверно осветить изучаемые вопросы.

В 1897 г. в Российской империи была организована и проведена Первая всеобщая перепись населения, охватившая всю территорию государства, в том числе и Якутскую область. В программе переписи не значился вопрос о национальном составе населения, для определения национальности исследователи нередко при разработке пользовались помимо родного языка такими признаками переписных листов, как религия, сословие и т.д. [1, с. 18-20; 2, с. 146-149].

Самым многонациональным среди округов Якутской области являлся Олекминский округ. Исторически данный факт объяснялся активным привлечением рассматриваемой территории к новому социально-экономическому развитию, чему способствовало уникальное природно-географическое положение. Основание Олекминского острога, центра освоения дальнейших земель Якутии, стало началом образования здесь многонационального населения. Это, прежде всего, служилые люди, казаки, численность которых была совсем небольшой, в некоторые времена всего до 30 человек.

Но с появлением пришлого населения возникает новый вид деятельности, который изменил не только хозяйственно-культурный облик края, но и вызвал глубокие социальные трансформации в структуре населения. Речь идет о зарождении земледелия.

В. Н. Иванов, изучавший развитие земледелия на Олекме, отмечал, что Иван Васильевич Новгород и Василий Харитонович Заборцев были первыми крестьянами, которые стали заниматься делом, изменившим хозяйственно-культурный облик этой части Якутии – земледелием. К 1658 г. на пашне работали 7 человек, в 1681 г. – 10 семей. В 1765 г. существовали две крестьянские слободы: Олекминская и Амгинская, а к 1816 г. здесь проживало 284 души обо-его пола [3, с. 132-133]. К концу XIX века Олекминский округ становится одним из центров развития земледелия Якутии.

Помимо развития земледелия, большую роль в становлении этнического состава округа сыграли два фактора: открытие в середине 40-х гг. XIX в. золотоносных месторождений и активная ссылка в Олекминский округ уголовных, религиозных и политических заключенных. Так, в 1865-1866 гг. в округе действовало 24 прииска, где работали 207 служащих и 4210 рабочих – представителей разных национальностей [4, с. 21].

В своих исследованиях П. Л. Казарян приходит к выводу, что расширение революционного и национально-освободительного движения в Российской империи происходило за счет вовлечения в движение представителей разных народов. В политическую ссылку в изучаемый нами период в Олекминский округ были сосланы русские, поляки, евреи, украинцы, белорусы, немцы, грузины, литовец, осетины, армяне, казах, латыши, были по одному представители иностранных граждан – американец и француз [4, с. 62-63].

Данный исторический факт – наличие в округе ссыльных и приисковых рабочих – подтверждается и гендерным соотношением русского населения – двукратное превышение численности мужчин над женщинами.

В целом в Олекминском округе Первой всеобщей переписью населения 1897 г. было зафиксировано 39 языков и наречий. Далее в таблице приведем сведения о национальном составе населения Олекминского округа наиболее многочисленных народов (табл.).

Таблица

Национальный состав населения Олекминского района по материалам переписи населения 1897 г. [2, с. 146-149]

Национальность	Мужчины	Женщины	Обоего пола
Русские	13344	6291	19635
Якуты	7853	5326	13179
Татары	747	334	1081
Тунгусы	464	408	872
Поляки	277	51	328
Евреи	147	91	238
Башкиры	112	85	197
Украинцы	155	24	179
Кавказские горцы	86	3	89
Немцы	53	13	66

Как видим из таблицы, самым многочисленным было русское население. Русские крестьяне в массе своей проживали в наслегах Олекминской волости. Они занимались земледелием, засеивали пшеницу, рожь, овес и ячмень, в огороде выращивали овощи, содержали также крупный рогатый скот. Дополнительно к основным видам деятельности крестьяне занимались почтовой гоньбой и перевозкой клади.

Обратимся к материалам переписи. Так, в селении Черендейском проживало 113 человек, все они были крестьянского сословия, русские занимались земледелием, 5 человек дополнительно – почтовой гоньбой [5, Д. 58а. Л. 69-119]. В селении Точильном было зафиксировано переписью 100 человек, все они были православными крестьянами русской национальности.

Второе место по численности населения в регионе занимали якуты, которые в 1893 г. были отнесены к разряду оседлых, так как основная масса их занималась, наряду с традиционным видом деятельности, земледелием. Якутские поселения входили в состав Олекминской инородной управы. В переписных листах Нерюктейского сельского общества отмечено, что в урочище Бертемелях проживало 80 человек, все якуты занимались земледелием, содержали скот, охотились, занимались рыболовством, перевозкой грузов [5, Д. 70].

Третье место по численности занимали татары, в основе своей осевшие в городе Олекминске, на приисках, по несколько семей они проживали в наслегах Олекминской инородческой волости. Татары были сосланы в Якутию примерно в начале XIX века. Первые архивные материалы о появлении татар и башкир относятся к 1816 г. В ревизских сказках Олекминского комиссариата отмечено 377 татар и 35 башкир. После получения земель татары занимались земледелием, огородничеством, работали на приисках, занимались извозом, ремеслом, торговлей. Они занимали особое место в историко-культурной жизни Олекминского района, т. к. не ассимилировали с местным населением, а создали татарскую слободу, или аул, как

называли местные жители. Им не разрешили построить мечеть, поэтому служба проходила в молитвенном доме, была открыта русско-татарская школа, где обучались, вместе с татарскими детьми и местные. Своих усопших татары хоронили на татарском кладбище [6, с. 6].

Совсем немного было зафиксировано переписью тунгусов (эвенков), кочевавших в составе жуюганского и брагатских тунгусских родов. Понятно, что первые сведения об этих эвенках были получены из русских документов. Так, изучая ясачные книги Олекминского острожка, А. С. Парникова отмечает, что в 1640 г. ясак платили якуты и тунгусы. Якутов, плативших ясак, было 24 человека, остальные тунгусы [7, с. 31].

Тунгусы, или эвенки, были расселены по бассейнам рек Олекма, Чара, Токко, они издавна занимались охотой и рыболовством, а также таежным оленеводством. С приходом казаков эвенки стали, как и всё население региона, платить ясак, приезжая для этого в Олекминский острог. Деятельность Олекминских и Витимских приисков повлияла и на коренное население. 130 тунгусов и 1 юкагир стали работать непосредственно на приисках на добыче руд и копи. Частной деятельностью занималось 37 человек. Некоторые из них содержали постоянные дворы для якутов, везущих клади на прииски, им они сбывали заготавливаемое сено, многие обзавелись рогатым скотом и начали выращивать ячмень [8, с. 246].

Первые поляки, осужденные на ссылку в Восточную Сибирь, стали прибывать в Якутскую область в 1891-1897 гг. В годы переписи 1897 г. в Олекминском округе было отмечено 328 поляков (из 427 всего по области). По возрасту почти все они были молодыми из разных условий, в большинстве своем не приспособленные к хозяйствованию. Однако многие из них стремились заняться любым делом, некоторая часть их оказалась на заработках на приисках, у купцов [9].

Среди населения Олекминского округа были 147 человек еврейской национальности. Некоторые из них жили на золотоносных приисках и являлись не только рабочими и служащими, но и их владельцами. Например, владельцем Константино-Иннокетьевского прииска был Арон Яковлевич Янкелевич, владельцем прииска Теребиловка по реке Бодайбо был Моисей Гедалив Мишурич. Одним из приисков Витимской системы владел Яков Соломонович Славин [5, Д. 50. Л. 38- 39, 102-103, 156-157]. Хозяйкой Александро-Мариинского прииска являлась Мария Григорьевна Кабрицкая [10, Д.47. Л. 9-14]. Две женщины еврейской национальности работали фельдшерами в Олекминской больнице – Герш Ранц и Ревекка Шмидова [4, с. 152]. Таким образом, евреи в Олекминском округе были заняты на производстве, в здравоохранении, работали в частных хозяйствах на временных работах, некоторые из них жили на посо-бия.

Чтобы представить себе национальный колорит населения того времени, обратимся к переписным листам города Олекминска. Так, в доме И. Былкова проживали три семьи: 55-летний Станислав Яковлевич Пясецкий – поляк, крестьянского сословия с семьей (жена и пятеро детей), работал дворником; Каземир Иванович Дуткевич – 29-летний поляк, австрийский поданный, не имевший занятий, и семья 60-летнего татарина Михаила Рафимовича Шарина (жена, трое детей, сестра с мужем). Мужчины работали чернорабочими и занимались поденной работой [5, Д. 68]. В так называемом «училищном доме» проживала семья Худаж. Глава семьи Владислав Августович, 54-летний крестьянин, римско-католического вероисповедания, поляк по национальности, занимался мелкой торговлей. Можно отметить, что все четверо детей Худаж получили образование. В доме у Вологдиной проживала семья Михаила Федоровича Вологодина, 59-летнего казака, находившегося на службе в Олекминской казачьей команде. Кухаркой у них работала 79-летняя русскоязычная якутка Матрена. В другой квартире дома проживал 45-летний якут Иван Михайлович Егоров, уроженец Кангаласского улуса, с женой и братом. У них квартирантами проживала якутская семья.

В доме Габышевой жил 46-летний окружной исправник, русский по национальности Николай Иосифович Москвин с женой и 4 детьми. У них также проживал ссыльный Василий Петрович Зимоновский.

Дом Симухина состоял из 6 квартир. В первой квартире проживала семья самого хозяина – русского крестьянина, выходца из Енисейской губернии Дмитрия Ивановича Симухина, который занимался сельским хозяйством – выращиванием зерновых и огородничеством. Во второй квартире проживал с семьей Николай Осипович Гринберг, 36-летний потомственный дворянин, еврей, работавший в Алданской экспедиции. В третьей квартире жили Иван Алексеевич Шаховцев, 55-летний крестьянин из Кубани, с женой. В следующей квартире – русский отставной казачий урядник Александр Васильевич Рубцов с семьей. Иван Григорьевич Алексеев, 40-летний инородец, якут, выходец из Восточно-Кангаласского улуса Якутского округа, проживавший в пятой квартире вместе с семьей, занимался торговлей. Якутская семья занимала последнюю квартиру, глава семьи Павел Васильевич Ксенофонтов занимался мелкой торговлей, помимо них здесь во время переписи находились еще 6 якутов, временно прибывающих [5, Д. 63].

Таким образом, жителями города Олекминска, зафиксированными счетчиками переписи населения 1897 г., были русские, якуты, татары, поляки, евреи.

Многонациональными были и сельские местности Олекминского округа. Так, в Берденском селении Олекминской волости проживало в основном русское население, которое занималось земледелием и содержало почтовую гоньбу. Перепись зафиксировала здесь ссыльных поселенцев: немца Карла Вильгельмовича Гаслера, поляка Каремира Ивановича Адамовича, семью цыгана Бабоченко, татар, которые были сапожниками, портными, кузнецами, занимались мелкой торговлей. Якуты, их было 28 человек, находились в работниках у сельчан [5, Д. 62]. В селении Точильном основным населением были русские крестьяне, и среди них проживало 9 поселенцев, например, 61-летний поляк Николай Иванович Ласовский, татарин Габидулла Кахуманов [5, Д. 61].

Заключение

После революционных событий 1917 г. многие ссыльные выехали в центральные районы России, но часть их осталась и составила основу современных жителей Олекминского района. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., население составляет 26785 человек, из них русские – 12208 человек, якуты – 11402, эвенки – 1234, татары – 464, эвены – 265, украинцы – 215, армяне – 100, буряты – 85, киргизы – 83, узбеки – 28, юагиры – 13 [11].

Вековые традиции, сложившиеся в Олекминском районе, оказывают свое влияние не только на социально-экономическое развитие региона, но и на создание особых толерантных отношений между нациями. Происходящие трансформационные процессы в области материальной и духовной культуры коренных и пришлых народов в районе вызывают в настоящее время большой интерес для научного исследования. Особенно актуальность данного изучения возросла в рамках современных этнодемографических процессов как в Республике Саха (Якутия), так и в России в целом.

Литература

1. Игнатъева В. Б. Национальный состав населения Якутии (Этно-статистическое исследование). – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. – 144 с.
2. Курчатова Т. Т. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. в Якутской области (историко-демографический аспект). – Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2006. – 150 с.
3. Иванов В. Н. Возникновение и развитие земледелия на Олекме (начало XVII – начало XX в.) // Северо-восток Азии в контексте российской истории: сб. науч. ст. – Якутск. 2005. – С. 130-142.
4. Казарян П. Л. Олекминская политическая ссылка. 1826-1917 гг. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1995. – 480 с.
5. НА РС (Я) Ф. 343. Оп. 2.
6. Олекминские татары [составитель Вострякова Р. И., ред. Н. С.Худякова]. – Олекминск: Центральная районная библиотека, 2010. – 59 с.
7. Парникова А. С. Расселение якутов в XVII начале XX вв. – Якутск, 1971. – 150 с.
8. Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. Часть 1. Выпуск 1. – СПб., 1906. – 208 с.

9. Бровченко М. И. Фонды национального архива о ссыльных поляках конца XIX – начала XX в. // Ссылные поляки в Якутии: итоги, задачи, исследование пребывания: сб. науч. тр. – Якутск, 1999. – С. 67-77.
10. НА РС (Я). Ф. 12. Оп. 1.
11. Данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) – Режим доступа: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default – (дата обращения: 30.08.2017).

References

1. Ignat'eva V. B. Nacional'nyj sostav naselenija Jakutii (Jetno-statisticheskoe issledovanie). – Jakutsk: JaNC SO RAN, 1994. – 144 s.
2. Kurchatova T. T. Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 1897 g. v Jakutskoj oblasti (istoriko-demograficheskij aspekt). – Jakutsk: Izd-vo Jakutskogo un-ta, 2006. – 150 s.
3. Ivanov V. N. Vozniknovenie i razvitie zemledelija na Olekme (nachalo XVII – nachalo HH v.) // Severo-vostok Azii v kontekste rossijskoj istorii: sb. nauch. st. – Jakutsk. 2005. – S. 130-142.
4. Kazarjan P. L. Olekminskaja politicheskaja sсыlka. 1826-1917 gg. – Jakutsk: JaNC SO RAN, 1995. – 480 s.
5. NA RS (Ja) F. 343. Op. 2.
6. Olekminskie tatary [sostavitel' Vostrjakova R. I., red. N. S. Hudjakova]. – Olekminsk: Central'naja rajonnaja biblioteka, 2010. – 59 s.
7. Parnikova A. S. Rasselenie jakutov v XVII nachale HH vv. – Jakutsk, 1971. – 150 s.
8. Patkanov S. K. Opyt geografii i statistiki tungusskih plemen Sibiri na osnovanii dannyh perepisi naselenija 1897 g. Chast' 1. Vypusk 1. – SPb., 1906. – 208 s.
9. Бровченко М. И. Фонды национальнoго архива о ссыльнoх полjакaх концa XIX – начaлa HH в. // Ссыл'ные полjаки в Якутии: итоги, задачи, исследование пребывания: сб. науч. тр. – Якутск, 1999. – С. 67-77.
10. NA RS (Ja). F. 12. Op. 1.
11. Дaнныe территориaльнoгo оргaнa Федерaльнoй службы гoсударствeннoй статистики по Рeспубликe Сaхa (Якутия) – Рeжим дoступa: http://sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default – (дaтa oбрaщeния: 30.08.2017).

– ПОЛИТОЛОГИЯ –

УДК 327

А. Муса кызы

**РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ КЫРГЫЗСТАНА**

Изучается реализация американской стратегии «мягкой силы» во внешней политике США в первые годы независимости Кыргызской Республики. Рассматриваются основные позиции американской внешней политики по отношению к республикам Центральной Азии, а также предпринятые действия США в реализации «мягкой силы» в Кыргызстане на фоне кардинальных перемен в системе международных отношений. Установлено, что политика руководства США по отношению к Кыргызстану развивалась в русле достаточно общих для Центральной Азии подходов. Однако в двусторонних отношениях Бишкека и Вашингтона сформировалась определенная специфика, обусловленная особым видением каждой из сторон собственных целей и последующих перспектив их развития. США видели в этих двусторонних отношениях возможность использования республики в качестве своего рода «агента влияния» в продвижении принципов западной демократии в регионе. Анализируется изменение конфигурации двусторонних отношений Кыргызстана и США в исследуемый период. Выделены этапы в развитии кыргызско-американских межгосударственных отношений, во многом совпадающих с эволюцией американской «мягкой силы» применительно к региону в целом. Вследствие этого можно судить о ее последовательной трансформации на протяжении последних двадцати пяти лет в рамках трех основных исторических этапов, последний из которых охватывает настоящий период времени.

Ключевые слова: «мягкая сила», внешняя политика, стратегия, сотрудничество, образовательные программы, культурное влияние, Кыргызская Республика, США, двустороннее сотрудничество.

А. Musa kyzy

**The Implementation of soft Power Strategy in US Foreign Policy
in the Early Years of Independence of Kyrgyzstan**

The article describes the implementation of the American strategy of soft power in US foreign policy in the first years of independence of the Kyrgyz Republic. The main positions of the US foreign policy towards the Central Asian republics are considered, as well as the US actions undertaken in the implementation of the soft power in Kyrgyzstan against the background of cardinal changes in the system of international relations. It is established that the policy of the US leaders towards Kyrgyzstan was based on their approaches common for Central Asia. However, in the bilateral relations between Bishkek and Washington, a specific feature arose due to a particular vision of its own goals by each of the sides and subsequent prospects for their development. The implementation of the American strategy of “soft power” in US foreign policy in the first years of independence

МУСА кызы Алина – кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой «Международные отношения» Учебно-научно-производственного комплекса Международный университет Кыргызстана.

MUSA kyzy Alina – Candidate of Political Science, Associate Professor, Head of the Chair «International relations» education-science-industrial complex International University of Kyrgyzstan.

of the Kyrgyz Republic is being studied. The main positions of the US foreign policy towards the Central Asian republics are considered, as well as the US actions undertaken in the implementation of the “soft power” in Kyrgyzstan against the background of cardinal changes in the system of international relations. It is established that the policy of the US leadership towards Kyrgyzstan has developed along the lines of approaches that are quite common for Central Asia. However, in the bilateral relations between Bishkek and Washington, a specific specificity has arisen, conditioned by a special vision of each side of its own goals and subsequent prospects for their development. The US saw these bilateral relations as a possibility of using the republic as a kind of ‘agent of influence’ in promoting the Western democracy principles in the region. The changes in the configuration of the bilateral relations between Kyrgyzstan and the USA are analyzed in the period under study. The stages in the development of Kyrgyz-American interstate relations are singled out, largely coinciding with the evolution of the American soft power with reference to the region as a whole. As a result, it can be judged on its consistent transformation over the past twenty-five years in the framework of three main historical stages, the last of which covering the present period of time.

Keywords: soft power, foreign policy, strategy, cooperation, educational programs, cultural influence, Kyrgyz Republic, USA, bilateral cooperation

Введение

Приступая к рассмотрению реализации американской стратегии «мягкой силы» во внешней политике США в первые годы независимости Кыргызской Республики, целесообразно начать со стратегии США в целом, которая с самого начала оказалась подчинена сверхзадаче – в полном соответствии со сформулированными много десятилетий назад геополитическими установками не допустить того, чтобы контроль над Евразией оказался в руках некоей единой сверхдержавы, ибо – согласно идеям англо-американских геополитиков, тот, кто контролирует это «сердце мира», тот контролирует «мировой остров» и далее, соответственно, весь мир [1].

В связи с чем, в результате распада СССР все союзные республики, включая и Кыргызстан, входящие в состав некогда могущественной страны стремительно превратились в зону геополитического соперничества на новой карте мира, и США проявила самый активный интерес к освоению и внедрению в закрытое для них ранее геополитическое пространство постсоветской Евразии.

Развал советской сверхдержавы вызвал стремление США (и не только) заполнить образовавшийся в Центральной Азии относительный вакуум в смысле исчезновения в нем влияния какой-либо крупной внешней силы. Опасения, что его в будущем может заполнить Китай, либо переживающий своеобразный ренессанс ислам, либо возродившаяся на какой-то новой авторитетной основе Россия, а также интерес к природным богатствам региона, чувство цивилизаторской миссии, чтобы утверждать повсюду в мире ценности рыночной экономики, демократии, верховенства закона и прав человека – все это совокупности обусловило то, что США с самого начала 90-х годов не оставляли этот регион без внимания.

Стратегия «мягкой силы» США в первые годы независимости Кыргызстана

США одними из первых признали независимость Кыргызстана и установили дипломатические отношения 27 декабря 1991 г. 1 февраля 1992 г. открыли свое Посольство в нашей стране, которое стало одним из первых иностранных дипломатических представительств и в странах Центральной Азии. Возглавил Американское посольство в Бишкеке Эдмунд Маквильямс, как временный поверенный в делах [2]. Необходимо отметить, что Американское посольство в Бишкеке открылось достаточно оперативно: через 34 дня после установления дипломатических отношений Кыргызстаном и США. В том же, в 1992 г. состоялось официальное открытие Посольства Кыргызстана в США.

По мнению кыргызского политолога Н. Омарова, политика США в отношении Кыргызстана в период обретения независимости развивалась в русле общих внешнеполитических подходов Вашингтона. Из-за малых размеров Кыргызстан не воспринимался США в качестве стратегического партнера. Однако эта страна имела в 1990-х годах образ «островка демократии», что гарантировало ей экономическую и политическую поддержку Запада [3].

В докладе для Комитета международных отношений Сената США в 1992 г. сенатор Алан Крэнстон отмечал, что, Центральная Азия – далекий и экономически слабо развитый регион,

этнически не связанный с США. На постсоветском пространстве американская политика, по его мнению, должна быть сконцентрирована на России, развивавшейся по демократическому пути. Однако в США признавали, что игнорировать Центральную Азию нельзя, поскольку она имеет богатые запасы природных ресурсов, а в случае неудачи в деле построения демократии может представлять угрозу региональной стабильности [4].

Чем дальше Кыргызстан от даты провозглашения независимости, тем очевиднее, что США все эти годы использовали Кыргызстан в качестве своего рода опорной базы. Отсюда они намеревались распространить свою «демократию для внешнего употребления» по всему региону Центральной Азии. Нигде более американцы так не активничали, как в Кыргызстане – стране, названной ими «островком демократии». И американскому Посольству в Бишкеке в выполнении этой миссии была отведена особая роль.

Первым Чрезвычайным и Полномочным Послом Соединенных Штатов Америки в Кыргызской Республике стал Эдвард Хервитц, вручивший Президенту КР А. Акаеву Верительные Грамоты 17 сентября 1992 г. На посту Чрезвычайного и Полномочного Посла США в Кыргызской Республике он работал до 11 октября 1994 г.

Примечателен тот факт, что из девяти послов США в Кыргызстане, работавших в разные годы, включая действующего ныне посла, шестеро – женщины.

Сейчас, по прошествии определенного периода времени, можно сказать, что политика руководства США по отношению к Кыргызстану развивалась в русле достаточно общих для Центральной Азии подходов. В то же время за эти годы в двусторонних отношениях Бишкека и Вашингтона сформировалась определенная специфика, обусловленная особым видением каждой из сторон собственных целей и последующих перспектив их развития. Определенные успехи, достигнутые в политическом реформировании (имидж «островка демократии»), порождали небезосновательную надежду со стороны США на возможность использования республики в качестве своего рода «агента влияния» в продвижении принципов западной демократии в регионе. Существенное влияние на развитие и изменение конфигурации двусторонних отношений Кыргызстана и США в последующем также сыграли и события, происходившие как за пределами собственно Центральной Азии, так и в ней, непосредственно связанные с продолжающимся геополитическим переделом мира.

Исходя из этого представляется возможным выделить несколько этапов в развитии кыргызско-американских межгосударственных отношений, во многом совпадающих с эволюцией американской «мягкой силы» применительно к региону в целом. Вследствие этого можно судить о ее последовательной трансформации на протяжении последних двадцати пяти лет в рамках трех основных исторических этапов, последний из которых охватывает настоящий период времени.

Рассматриваемый период (1991-2005 гг.), то есть время с момента обретения независимости и до революционных событий в стране, характеризуется как время достаточно неоднозначного участия США во внутреннем развитии Центральной Азии и, соответственно, Кыргызской республики. В первые годы обретения независимости происходит выработка основных позиций американской внешней политики по отношению к региону и его республикам, создаются институциональные основы для проведения здесь долговременных политических и экономических реформ. Подобная политика вполне объяснима тем периферийным местом, которое первоначально заняла Центральная Азия в американской дипломатии на фоне кардинальных перемен в системе международных отношений в целом.

Для Кыргызстана это время характеризуется как время установления дипломатических контактов, выстраивания основных параметров сотрудничества с правительственными и частными организациями США, проведения с их помощью базовых политических и экономических преобразований в республике.

Однако в первые годы независимости страны американская сторона, несмотря на кажущееся ограниченное участие, все же, на наш взгляд, предпринимает активные действия в реализации мягкой силы в Кыргызстане. К примеру, США одними из первых проявили интерес

к сотрудничеству с КР в области образования. При содействии США в 1993 г. кыргызско-американский факультет открылся в КГНУ. 12 ноября 1997 г. на базе кыргызско-американского факультета при КГНУ во время визита первой леди США Х. Клинтон в Кыргызстан был открыт Кыргызско-американский университет (АУК) [5, с. 39]. В декабре 2002 г. состоялась официальная церемония переименования АУК в Американский университет Центральной Азии (АУЦА). Такое решение было принято Советом попечителей университета.

В этот же период успешно развивалось сотрудничество и между другими учебными заведениями двух стран. Так, 25 апреля 2001 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между Университетом Ратгерс (штат Нью-Джерси) и Кыргызской аграрной академией (КАА) по взаимно интересующей академической и научно-исследовательской деятельности с привлечением научно-преподавательского состава и студентов, а также научной и консультативной деятельности в сфере сельского хозяйства, землепользования и менеджмента природных ресурсов [6].

«Мягкую силу» во внешней политике США реализовывает в Кыргызстане также в рамках совместных образовательных программ по обучению кыргызских студентов и школьников в США, продолжается работа по налаживанию дальнейших контактов между американскими и кыргызскими учебными заведениями.

Большая помощь была оказана Кыргызстану американской организацией «Корпус мира». 5 ноября 1992 г. было подписано соглашение между правительствами США и Кыргызской Республики относительно учреждения программ «Корпуса мира» в Кыргызстане.

За время существования «Корпуса мира» в Кыргызстане было разработано и реализовано большое количество программ и проектов, направленное на обучение детей, молодежи и взрослых.

Помимо «Корпуса мира», в Кыргызстане работали следующие образовательные организации: АКСЕЛС, ЮСИА, фонд «Сорос-Кыргызстан», АЙРЕКС и другие, которые администрировали различные программы стажировок и стипендий. АКСЕЛС (Американский совет по сотрудничеству в области образования и изучения языков) работал в Кыргызстане с 1992 г., и его школьная программа обмена была самой популярной.

Немалый вклад в реализации «мягкой силы» США в Кыргызстане внесла частная некоммерческая организация АЙРЕКС, которая была создана в США в 1968 г. Ее целью является выполнение программы по международному обмену учеными, исследователями и академическими работниками.

Огромную работу в Кыргызстане проводило ЮСИА (Информационное агентство США), которое было создано Конгрессом США еще в годы «холодной войны», в 50-е гг. XX в. СМИ и культура – основные направления деятельности агентства. В 60-е гг. ЮСИА стало больше внимания уделять культуре, затем появились и другие направления, такие как демократия и экономика. Ежегодно агентство направляло из Кыргызстана в США 35-45 человек разных профессий, чтобы они знакомились с работой своих коллег, с жизнью в Соединенных Штатах, получали впечатления и собственное мнение о США.

Также успешно функционировал в Кыргызстане с 1994 г. фонд «Сорос-Кыргызстан», основанный американским филантропом Дж. Соросом, который осуществлял свою деятельность через реализацию программ в области развития гражданского общества, правовых реформ, образования, средств массовой информации, развития местного самоуправления, медицины и т. д.

В конце октября 2001 г. министр образования и культуры Кыргызстана К. Шаршекеева и посол США Дж. О'Киф подписали Меморандум о взаимопонимании между Министерством образования и культуры Кыргызстана и Международным фондом избирательных систем [7]. В рамках этого важного проекта предполагалось сотрудничество в разработке курса обучения и программ по гражданскому образованию.

Большую работу в Кыргызстане проводило ЮСАИД (Агентство США по международному развитию). Агентство проводило свою программную деятельность посредством заключе-

ния контрактов и грантовых соглашений с частными американскими компаниями и неправительственными организациями, которые, в свою очередь, реализовывали проекты на местах.

Кроме того, ЮСАИД поддерживало добровольное партнерство Кыргызской Государственной медицинской академии и медицинского факультета университета Невада по подготовке семейных врачей и менеджеров здравоохранения.

Так, США в реализации своей «мягкой силы» используют многие инструментарии, в том числе и обеспечение библиотек литературой. Посольство США с начала 1990-х гг. активно поддерживало крупнейшую библиотеку Кыргызстана, обеспечивая ее литературой и периодикой. В 1995 г. был создан Кыргызско-американский центр искусств. Основной целью его создания являлось налаживание контактов между представителями творческой интеллигенции двух стран.

Необходимо отметить, что американская «мягкая сила» в стране с середины 1990-х гг. становится все более заметной и наступательной, данное обстоятельство связано с включением Центральной Азии и Кыргызстана в орбиту военно-политического, экономического и культурного влияния США. В этот период времени начинается более активное проникновение в регион, включая более тесную привязку и создание механизмов участия республик Центральной Азии в подконтрольных США финансовых и военно-политических институтах (МВФ и ПИМ НАТО).

В изучаемый период происходит наращивание американской внешней помощи Кыргызстану посредством специализированных образовательных программ, как и в других государствах региона, формируется проамерикански настроенное лобби в руководстве республики, поддерживаются усилия руководства республики по ускоренной интеграции Кыргызстана в политические и экономические структуры западного сообщества. Ярким примером тому служит вступление Кыргызстана первым из стран СНГ в ВТО в 1998 г., несмотря на его явную неподготовленность к полноправному участию в этой организации.

Начало особой активности американской дипломатии в регионе относится к марту-апрелю 2000 года и прямо спровоцировано поворотом России к СНГ и Центральной Азии как зоне своих традиционных интересов. Начиная с этого времени, политика США в регионе принимает вполне осязаемый и предметный характер – США принимают на себя (хотя бы и в виде декларации) ответственность за безопасность и стабильность в регионе, активно используют «демократическую» риторику и финансовые рычаги.

Период с 2000 г. кыргызско-американские взаимоотношения ознаменовались беспрецедентным проникновением США в регион, включая размещение здесь с конца 2001 г. своих военных баз в Узбекистане и Кыргызстане.

Для понимания развития политических отношений между Кыргызстаном и США изучаемого периода необходимо отметить следующее. Кыргызстан, как и ранее, рассматривается администрацией США как молодое независимое государство, добившееся значительных успехов в проведении экономических и политических реформ. Поэтому создание и укрепление демократических институтов в Кыргызстане является одной из активных сфер двустороннего сотрудничества в рассматриваемый период.

Последующие контакты политического руководства Кыргызстана и США в 2003 г. подтвердили сохраняющуюся заинтересованность сторон в расширении взаимных контактов и приверженность достигнутым ранее договоренностям.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

В первые годы обретения независимости КР стратегия внешней политики США в целом не отличалась от общей стратегии в отношении постсоветских государств, они выступали за демократизацию политической жизни и за проведение рыночных преобразований. Происходит выработка основных позиций американской внешней политики по отношению к региону и его республикам, создаются институциональные основы для проведения здесь долговременных политических и экономических реформ.

Для Кыргызстана это время характеризуется как время установления дипломатических контактов, выстраивания основных параметров сотрудничества с правительственными и частными организациями США, проведения с их помощью базовых политических и экономических преобразований в республике. Однако, в первые годы независимости страны американская сторона, несмотря на кажущееся ограниченное участие, все же, на наш взгляд, предпринимает активные действия в реализации «мягкой силы» в Кыргызстане, примером тому служит активная деятельность как правительственных, так и неправительственных организаций в самых различных сферах жизнедеятельности кыргызского народа, идет процесс усиления культурно-образовательных связей.

В области военного дела в изучаемый период двустороннее сотрудничество между КР и США вышло на качественно более высокий уровень. Этому способствовало размещение в аэропорту «Манас» коалиционных сил для проведения операций в Афганистане.

Намерение США придерживаться всех своих обязательств и после революционных событий в Кыргызстане 24 марта 2005 г., также заинтересованность сторон в расширении взаимных контактов и приверженность достигнутым ранее договоренностям подтвердили последующие контакты политического руководства Кыргызстана и США.

Литература

1. Бзежинский Зб. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. – М., 2013. – С. 256.
2. Отдел истории Государственного департамента США (Office of the Historian, Department of state United States of America) – URL: <https://history.state.gov/departmenthistory/people/mcwilliams-edmund>
3. Омаров Н. М. Внешняя политика Кыргызской Республики в эпоху «стратегической неопределенности». – Бишкек, 2005. – С. 157.
4. Cranston A. Central Asia in Transition. Washington: US Government Printing Office, 1992.
5. Омаров Н.М. Межгосударственные отношения Киргизии и США: состояние и перспективы // США и Канада. – 2004. – № 6 (414). – С. 39-42.
6. АП КР. 2004. Ф. 1. Д. 17-2. Т. 123. Л. 170.
7. АП КР. 2001. Ф. 1. Д. 17-3. Т. 5. Л. 54.

References

1. Bzejniskiy Zb. Velikaya shahmatnaya doska: gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativyi. – М., 2013. – S. 256.
2. Otdel istorii Gosudarstvennogo departamenta SSHA (Office of the Historian, Department of state United States of America) – URL: <https://history.state.gov/departmenthistory/people/mcwilliams-edmund>
3. Omarov N. M. Vneshnyaya politika Kyrgyzskoy Respubliki v epohu «strategicheskoy neopredelennosti». – Bishkek, 2005. – S. 157.
4. Cranston A. Central Asia in Transition. Washington: US Government Printing Office, 1992.
5. Omarov N. M. Mevgosudarstvennyie otnosheniya Kirgizii i SSHA: sostoyanie i perspektivy // SSHA i Kanada. – 2004. – № 6 (414). – S. 39-42.
6. AP KR. 2004. F. 1. D. 17-2. T. 123. L. 170.
7. AP KR. 2001. F. 1. D. 17-3. T. 5. L. 54.

— ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ —

УДК 342.470

А. А. Степанова

О СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИИ

Посвящена системе органов государственной власти России и проблемным вопросам правового регулирования ее организации. Федеративное устройство России накладывает существенный отпечаток на организацию государственной власти. Несмотря на общие с другими федеративными государствами признаки, российский федерализм имеет свои особенные черты, которые проявляются в том числе в построении системы государственной власти и ее нормативном оформлении. Понятия «система государственной власти» и «система органов государственной власти» получили довольно подробное исследование в научной литературе, кроме того, достаточно исчерпывающее определение «системе федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти» дано Конституционным Судом Российской Федерации. Вместе с тем, по-прежнему остаются актуальными вопросы определения принципов организации системы власти, вопросы организации вертикали власти, вопросы разграничения полномочий и др. Исходя из этого, автором сделана попытка постановки и решения актуальных проблем организации государственной власти в таком сложном федеративном государстве, как Россия. Указывается, что общие принципы организации системы органов государственной власти должны касаться в целом системы органов государственной власти. По мнению автора, должен быть принят еще один федеральный закон, который установил бы общие принципы организации системы органов государственной власти Российской Федерации. Вместо этого действует федеральный закон, устанавливающий принципы организации власти лишь для субъектов Федерации. В то время как система органов государственной власти субъектов Российской Федерации является лишь частью общей системы. Одновременно федеральный законодатель весьма расширительно истолковал круг общих вопросов и принципов. И это привело к тому, что в сфере регулирования вопросов организации системы государственной власти у субъектов Федерации фактически не осталось каких-либо возможностей для самостоятельного регулирования конкретных вопросов организации и деятельности собственных органов государственной власти. Автор также обращает внимание на своеобразие вертикальной организации власти в России. Подчеркивается, что отсутствие оптимального регулирования в сфере вертикальной организации власти, которая также представляется системой, особенно в сфере исполнительной власти, может оказывать непосредственное влияние на эффективность функционирования властной системы, что в конечном итоге может иметь прямое отражение на благосостояние народа.

Ключевые слова: общие принципы, организация государственной власти, система органов государственной власти, органы законодательной власти, органы исполнительной власти

СТЕПАНОВА Альбина Афанасьевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета СВФУ имени М. К. Аммосова,

STEPANOVA Al'bina Afanas'evna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Constitutional and Municipal Law, Law Faculty, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov.

The System of the State Power Bodies in Russia

The article reviews the structure of government in Russia and the legal regulation of its organization. The federal structure of Russia influences the organization of the state power significantly. The article discusses the issue of the vertical organization of the power, especially in the sphere of the executive power. Despite a range of common features with other federal states, Russia has its own characteristics, which are manifested, in particular, in the construction of the structure of the government and its normative regulation. The concepts of “state power bodies” and “the system of the state power bodies” have been rather extensively studied. In addition, the Constitutional Court of the Russian Federation gave an exact and comprehensive definition of “the system of federal bodies of legislative, executive and judicial power”. However, the issues of organization of the power vertical, especially in the executive branch, are still relevant. In this regard, the article addresses these and other organizational aspects of the state power in Russia. The article indicates that the general organizational principles of the system of state bodies must relate to the whole system of the state power bodies, that is, the system of the state authorities of the Russian Federation, which, in turn, consists of two subsystems. A federal law establishing general principles for the organization of the entire system of power must be adopted. Instead, there is a federal law establishing the organizational principles of the power only for the subjects of the Federation. The federal legislator very broadly interpreted the range of general issues and principles. As a result, the federal legislator did not actually leave any opportunities to the subjects of the Federation for independent regulation of specific issues of the organization and activities of the state bodies of the subjects of the Federation. The article attempts to address these and other relevant organizational problems of the state power in a federal state such as Russia

Keywords: general principles of the organization of the state power, system of state power bodies, legislature, executive bodies.

Введение

Система государственной власти России, особенности ее организации и функционирования напрямую связаны с федеративным устройством государства. Федеративная организация государственной власти, то есть федерализм как принцип территориальной организации власти и федеративное устройство как политико-территориальная организация государства, закреплены в двух главах Конституции РФ (статьи 1 и 5 главы I и глава III). Государственная власть в федеративном государстве осуществляется на двух уровнях: федеральном и уровне субъектов федерации. При всех различиях в подходах к определению признаков федеративного государства двухуровневая организация государственной власти является общепризнанным и несомненным признаком федеративного государства.

Органы государственной власти в Российской Федерации

Федеральные органы государственной власти и органы государственной власти образуют систему органов государственной власти (систему государственной власти) Российской Федерации. Вместе с тем понятие «система органов государственной власти» не имеет четкого и однородного истолкования [1, с. 108]. Законодательство не дает определения понятия «системы органов государственной власти». Можно лишь опираться на положения пункта «г» статьи 71 Конституции РФ, относящей к ведению Российской Федерации: установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядок их организации и деятельности, и пункта «н» части 1 статьи 72, относящей к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов: установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления.

В связи с этим проблемы определения понятия «системы органов государственной власти» представляются вполне актуальными и современными. Этой проблеме уделено достаточно много внимания, но даже беглый взгляд позволяет увидеть, что при всей схожести определений все же имеются существенные отличия в акцентации на деталях. Так, Б. П. Елисеев рассматривает систему органов государственной власти как сочетание трех ветвей власти, структурно и организационно разделенных (по выполняемым функциям и занимаемым уровням)

и вместе с тем связанных интегрирующим институтом главы государства, правовыми нормами и реализующих функции государства [2, с. 56]. Согласно определению О. Е. Куцафина, «система органов государственной власти – совокупность всех органов государственной власти, взаимосвязанных и взаимодействующих в ходе осуществления государственной власти» [3, с. 310]. В. Нарутто полагает, что «система органов государственной власти – совокупность разнообразных организационно-правовых форм осуществления государственной власти. Понятие охватывает две относительно самостоятельных вида подсистем: системы федеральных органов государственной власти и системы органов государственной власти субъектов федерации» [4, с. 145]. То есть, если Б. П. Елисеев указывает на интегрирующую роль главы государства, то, к примеру, С. В. Нарутто увязывает понятие системы органов власти с федеративным устройством государства. Наличие официального толкования, данного Конституционным Судом РФ, согласно которому «под системой федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, следует понимать единство взаимосвязанных федеральных органов различных ветвей государственной власти, которое, исходя из разграничения полномочий при осуществлении законодательных, исполнительных и судебных функций, обеспечивает баланс этих властей, систему взаимных сдержек и противовесов» [5] также не дает полного представления о системе органов государственной власти в федеративном государстве, и по-прежнему остаются актуальными вопросы организации вертикали власти, которая также представляется системой, особенно в сфере исполнительной власти.

1. Система федеральных органов власти установлена Конституцией РФ (ч. 1 ст. 11), и ни один орган, кроме перечисленных в Конституции (сформированных указанными органами), не вправе функционировать на территории Российской Федерации. Несколько сложнее выглядит конституционное регулирование организации системы органов государственной власти субъектов федерации. Установление системы органов государственной власти субъектов Федерации отнесено к ведению субъектов Федерации на основе общих принципов, установленных федеральным законом (ст. 77 Конституции РФ). Согласно другой конституционной норме установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления относится к совместному ведению Российской Федерацией и ее субъектов (п. «н» ч. 1 ст. 72). Действительно, общие принципы организации системы органов государственной власти субъектов федерации определены одноименным федеральным законом. Однако общие принципы организации системы органов государственной власти должны касаться в целом системы органов государственной власти, то есть системы органов государственной власти Российской Федерации, которая, в свою очередь, состоит из двух подсистем. Общие принципы организации системы органов государственной власти, о которых говорится в пункте «н» статьи 72 и общие принципы организации законодательных (представительных) и исполнительных органов власти как федеральных, так и региональных, должны соотноситься как общее и целое. Соответственно, если следовать тексту пункта «н» ст. 72, должен быть принят еще один федеральный закон, который установил бы общие принципы организации системы органов государственной власти Российской Федерации. На наш взгляд, более логичным кажется «перенесение» указанной нормы в части, касающейся системы органов государственной власти, в статью 71 Конституции, поскольку принципы являются общими для всей системы государственной власти, и устанавливать их должна (вправе) Российская Федерация. В то время как ее нахождение в статье 72, устанавливающей вопросы совместного ведения, предполагает, что и субъекты Федерации вправе принимать законы, устанавливающие общие принципы организации системы государственной власти (ч. 2 ст. 76). Действующий же Федеральный закон (Федеральный Закон от 6 октября 1999 № 184 (в ред. от 29.07.2017) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»), следуя положениям части 1 статьи 77 Конституции, оставил за рамками установления общие принципы организации системы органов государственной власти Федерации в целом, и «урегулировал лишь отдельную сферу государственно-властных отношений, связанных с федеративной структурой» [1, с. 110].

В связи с этим отметим, что принятие указанного Федерального закона (в соответствии с ч. 1 статьи 77 Конституции), выявило, что федеральный законодатель весьма расширительно истолковал круг вопросов и принципов, относящихся к общим, продемонстрировав при этом субъективный подход, отнюдь не «базирующийся на объективных критериях» [6, с. 453]. Это привело к тому, что в сфере регулирования вопросов организации системы государственной власти федеральный законодатель фактически не оставил субъектам Федерации каких-либо возможностей для самостоятельного регулирования. В литературе отмечается, что в большинстве зарубежных федераций система и принципы организации власти в субъектах федерации не регулируются федеральными законами, поскольку эта сфера справедливо рассматривается как одна из немногих сфер исключительного ведения самостоятельности субъектов. В связи с этим регулирование вопросов организации государственной власти субъектов федерации специальным федеральным законом выглядит как определенный диссонанс в общей логике федеративного государственного устройства [7, с. 42], так как речь идет не только об общих принципах, но и о конкретных вопросах организации и деятельности органов государственной власти субъектов федерации. Примечателен в этом плане пример Республики Саха (Якутия), которая в свое время, когда в федеральный закон были внесены изменения, касавшиеся отмены выборов глав субъектов РФ, в попытке отстоять остатки самостоятельного установления системы органов власти, была вынуждена прибегнуть к такой сомнительной юридико-технической уловке, как приостановление действия отдельных положений своей Конституции, устанавливавших порядок избрания высшего должностного лица республики (*Действие отдельных статей Конституции Республики Саха (Якутия), устанавливающих выборность Президента Республики Саха (Якутия), было приостановлено на неопределенное время Конституционным Законом Республики Саха (Якутия) от 25 апреля 2006 года 3 № 675-III. Впоследствии Конституционным законом РС(Я) от 08.06.2012 1076-3 N 1033-IV, соответствующие нормы были признаны утратившими силу.* – Прим. авт.).

При этом стоит напомнить, что, безусловно, после внесения изменений в федеральное законодательство субъекты федерации обязаны приводить свое законодательство в соответствие с измененным федеральным. Однако вплоть до вынесения решения Конституционным Судом РФ 21 декабря 2005 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» [8] многие субъекты Федерации, в том числе и Саха (Якутия), заняв выжидательную позицию, не торопились с изменением своего законодательства, заняв выжидательную позицию.

Впрочем, ситуация в корне изменилась, когда в 2012 г. были внесены очередные изменения в федеральное законодательство, связанные с возвратом к выборам, хоть и модифицированным.

2. Возвращаясь к системе органов государственной власти, заметим, что за пределами конституционного регулирования остается вертикальная система органов государственной власти (кроме судебной, к тому же и она является вертикальной в федеральном аспекте, но не в федеративном). В связи с этим в литературе высказываются различные мнения. Одни авторы считают, что необходимо говорить о системе законодательной власти. Так, С. В. Нарутто считает, что части федеральной системы органов государственной власти и части системы органов государственной власти субъектов федерации в сочетании с частями обеих указанных систем образуют собственные системы: законодательной власти, исполнительной власти, судебной власти, систему прокуратуры [4, с. 145]. Аналогичного мнения придерживается В. А. Лебедев: «... если есть вертикаль исполнительной власти, то должна быть и вертикаль законодательной власти. Законодательная власть субъекта федерации должна занять место в вертикали, где, с одной стороны, Совет Федерации и Государственная Дума сверху, и, с другой стороны, представительный орган местного самоуправления снизу. Это вертикаль представительных органов, которые поддерживают друг друга и вместе занимаются тем, что называется «контроль за исполнением законов... Кроме того, законодательная власть, если

говорить о вертикали, очень хорошо могла бы решать вопросы, касающиеся законодательного регулирования в сфере совместного ведения...» [9, с. 37]. Другие же выступают либо против, аргументируя тем, что «именно в том, что законодательные органы федерации и ее субъектов не образуют единую систему органов государственной власти, и заключается особенность федеративных отношений, специфика разделенного законотворчества на федеральном и региональном уровнях в федеративном государстве [10, с. 127]. На наш взгляд, о системе законодательной власти в федеративном государстве может говорить с обобщенно-теоретических позиций, выявляя при этом схожие организационно-функциональные характеристики законодательных (представительных) органов: «Если подразумевать под системностью сходство в назначении органов в государстве, ...осуществление одних и тех же родственных функций, использование аналогичных форм деятельности и т.д., то факт системности представительных учреждений налицо» [11, с. 9]. Действительно, по способу формирования, по порядку деятельности и осуществляемым функциям все законодательные и представительные органы могут образовать некую совокупность, целью обозначения (выделения) которой является перечисление соответствующих органов: Федеральное Собрание РФ, законодательные (представительные) органы субъектов федерации, представительные органы местного самоуправления. Вместе с тем, если брать во внимание признаки системы: целостность, структурность, взаимодействие с окружающей средой, фрактальность, иерархичность [1, с. 20], дифференциация, интеграция, внутренняя противоречивость и единство [12, с. 36], то при этом органы законодательной власти не могут образовывать целостную систему, связанную иерархическими (субординационными) отношениями. Кроме того, органы законодательной власти отделены друг от друга предметом ведения. Вопросы ведения Российской Федерации (ст. 71 Конституции РФ) и вопросы совместного ведения (ст. 72), вопросы ведения субъектов федерации (ст. 73) – это вопросы законодательной компетенции органов законодательной власти соответствующего уровня. Следовательно, уровни законодательной власти разделены друг от друга не только организационно (по порядку формирования), но и компетенционно, когда ни один из уровней законодательной власти не может осуществлять нормотворчество вне пределов своей компетенции (тот факт, что федеральный законодатель, по всеобщему признанию, регулирует все, что подлежит регулированию в сфере совместного ведения, можно отнести к деформации федеративных отношений, дисбалансу в этой системе).

В сфере исполнительной власти государственные органы образуют несколько систем. Во-первых, федеральные органы исполнительной власти образуют систему, которая, являясь составным элементом единой системы федеральных органов государственной власти, имеет такие же характеристики. Конституция Российской Федерации применительно к системе федеральных органов исполнительной власти регламентирует лишь вопросы организации и деятельности Правительства Российской Федерации, осуществляющего согласно ее статье 110 исполнительную власть Российской Федерации, устанавливает состав Правительства Российской Федерации, а также предусматривает полномочие федеральных органов исполнительной власти создавать свои территориальные органы (статья 78, часть 1). При этом на конституционном уровне не устанавливаются ни полный перечень федеральных органов исполнительной власти, ни их возможные виды, различающиеся своим правовым статусом [5].

Во-вторых, в соответствии с ч. 2 ст. 77 Конституции РФ по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти образуют единую систему исполнительной власти в Российской Федерации. Вместе с тем, несмотря на то, что Конституционный Суд РФ уже более десяти лет назад указал на то, что «в целях построения единой системы исполнительной власти в Российской Федерации федеральный законодательный орган – Федеральное Собрание (прежде всего, Государственная Дума) и законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации обязаны принять в пределах своей компетенции соответствующие законы» [8], до сих пор в отсутствуют федеральные законы, которые регулировали бы взаимоотношения органов исполнительной власти, образующих систему. Вопросы системы федеральных орга-

нов исполнительной власти регулируются лишь Указом Президента РФ, который формально является подзаконным актом. Согласно Указу в систему федеральных органов исполнительной власти входят федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства [13].

По мнению ряда исследователей, это ведет к неопределенности в исполнительной сфере государственно-властного взаимодействия и, соответственно, к дублированию государственных функций [14, с. 98]. В целом соглашаясь с таким мнением, тем не менее, можно отметить, что дублирование функций возможно и необходимо в федеративном государстве (для этого и существуют две системы государственной власти: каждая система решает одни и те же задачи, но только на своем уровне). Так, функциям федеральных министерств, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации (министерства здравоохранения, культуры, образования и науки, природных ресурсов и экологии, промышленности и торговли, регионального развития, сельского хозяйства, транспорта и др.), аналогичны функции создаваемых в субъектах федерации министерств (департаментов, управлений).

Различие обосновывается лишь масштабом решаемых задач и обусловленной ими специфики реализации функций: федеральные министерства, помимо общей функции исполнения законов, должны осуществлять выработку общегосударственной политики и общегосударственную координацию в установленной сфере, а органы исполнительной власти субъектов – те же функции, но в пределах одного субъекта/

В негативном плане можно отзывать лишь о дублировании полномочий в решении одного и того же конкретного вопроса, о необоснованном вмешательстве, как правило, со стороны федерального центра, в регулирование и правоприменительную практику по конкретным вопросам экономической и социальной жизни субъекта федерации (что имеет место в действительности). Кроме того, возникают сомнения в целесообразности различного рода территориальных подразделений федеральных органов с задачами координировать и контролировать деятельность не только своих структур, но и исполнительных органов субъектов Федерации [15, с. 83].

Вместе с тем отметим, что на практике отсутствие закона о системе органов исполнительной власти все же не стало препятствием в функционировании единой системы исполнительной власти, организация которой в значительной мере урегулирована подзаконными актами. В литературе также сложилось в целом единообразное понимание системы органов исполнительной власти: «система органов исполнительной власти – это ... совокупность видов конкретных органов, выполняющих возложенные на них задачи и функции управленческого характера» [16, с. 149]; «система органов исполнительной власти – это совокупность органов государственной власти, наделенных компетенцией в области государственного управления, и имеющих свое специальное назначение, организационную структуру и нормативно определенную компетенцию, необходимую для решения задач и осуществления функций управления [17, с. 247].

Заключение

Итак, можно привести обобщающее определение: под системой федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, установление которой отнесено к ведению Российской Федерации (статья 71, пункт «г», Конституции Российской Федерации), следует понимать единство взаимосвязанных федеральных органов различных ветвей государственной власти, которое, исходя из разграничения полномочий при осуществлении законодательных, исполнительных и судебных функций, обеспечивает баланс этих властей, систему взаимных сдержек и противовесов. Отметим, что эффективность системы органов государственной власти определяется в конечном итоге уровнем благосостояния общества государственного управления в целом, что предопределяет необходимость дальнейшего поиска оптимальных форм ее совершенствования. При этом весьма важное значение имеет учет различий между субъектами Федерации, а также имеющегося у них опыта самоорганизации и самоуправления, оказавшего значительное влияние на их развитие [15, с. 167].

Литература

1. Кочев В. А. Система государственной власти в Российской Федерации. Основные публично-правовые параметры: дис. ... д-ра юрид. наук. – Пермь, 2002.
2. Елисеев Б. П. Система органов государственной власти: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1998.
3. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2014.
4. Нарутто С. В. Федерализм и единство государственно-правовой системы. – Хабаровск, 2001.
5. Постановление КС РФ от 27.01.1999 № 2-П по делу о толковании статей 71 (п. «г»), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции РФ // СЗ РФ. – 1999. – № 6. – Ст.866.
6. Алехин А. П., Кармолицкий А. А. Административное право России: учебник. – М., 2006.
7. Борисова М. М. Концепция правового статуса субъекта Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Саранск, 2005.
8. Постановление КС РФ от 21.12.2005 № 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» // СЗ РФ. 2006. – № 3. – Ст. 336.
9. Лебедев В. А. Проблемы организации и деятельности законодательной и исполнительной власти в субъектах Российской Федерации. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
10. Умнова И. А. Конституционные основы российского федерализма. – М., 1998.
11. Авакьян С. А. Проблемы народного представительства в Российской Федерации // Проблемы народного представительства в Российской Федерации / Под ред. С. А. Авакьяна. – М., 1998.
12. Черепанов В. А. Конституционно-правовые основы разделения государственной власти между Российской Федерацией и ее субъектами. – М., 2003.
13. Указ Президента РФ № № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» от 9 марта 2004 г. (ред. от 07.12.2016 // СЗ РФ. – 2004. – № 11. – Ст. 945.
14. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: учебник для вузов. – 2-е изд., изм. и доп. – М., 2003.
15. Миронов Д. Н. Российская Федерация: государственное устройство и этнонациональное развитие // Дмитрий Николаевич Миронов / сост.: А. Н. Драгунов, М. Н. Билюкина. – Якутск: Бичик, 2016.
16. Алехин А. П., Кармолицкий А. А. Административное право: учебник. Первая часть. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2011.
17. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: учебник для вузов. – 4-е изд., изм. и доп. – М., 2009.
18. Миронов Д. Н. Основы конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации / Сост.: А. Н. Драгунов, М. Н. Билюкина. – Якутск: Бичик, 2016.

References

1. Kochev V. A. Sistema gosudarstvennoj vlasti v Rossijskoj Federacii. Osnovnye publichno-pravovye parametry: dis. ... d-ra jurid. nauk. – Perm', 2002.
2. Eliseev B. P. Sistema organov gosudarstvennoj vlasti: dis. ... d-ra jurid. nauk. – M., 1998.
3. Kozlova E. I., Kutafin O. E. Konstitucionnoe pravo Rossii: uchebnik. – 5-e izd., pererab. i dop. – M., 2014.
4. Narutto S. V. Federalizm i edinstvo gosudarstvenno-pravovoj sistemy. – Habarovsk, 2001.
5. Postanovlenie KS RF ot 27.01.1999 № 2-P po delu o tolkovanii statej 71 (p. «g»), 76 (chast' 1) i 112 (chast' 1) Konstitucii RF // SZ RF. – 1999. – № 6. – St.866.
6. Alehin A. P., Karmolickij A. A. Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik. – M., 2006.
7. Borisova M. M. Koncepcija pravovogo statusa sub#ekta Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. – Saransk, 2005.
8. Postanovlenie KS RF ot 21.12.2005 № 13-P po delu o proverke konstitucionnosti otdel'nyh polozhenij Federal'nogo zakona «Ob obshhijh principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub#ektov RF» // SZ RF. 2006. – № 3. – St. 336.
9. Lebedev V. A. Problemy organizacii i dejatel'nosti zakonodatel'noj i ispolnitel'noj vlasti v sub#ektah Rossijskoj Federacii. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2000.
10. Umnova I. A. Konstitucionnye osnovy rossijskogo federalizma. – M., 1998.
11. Avak'jan S. A. Problemy narodnogo predstavitel'stva v Rossijskoj Federacii // Problemy narodnogo predstavitel'stva v Rossijskoj Federacii / Pod red. S. A. Avak'jana. – M., 1998.

12. Cherepanov V. A. Konstitucionno-pravovye osnovy razdelenija gosudarstvennoj vlasti mezhdu Rossijskoj Federaciej i ee sub#ektami. – M., 2003.

13. Ukaz Prezidenta RF № № 314 «O sisteme i strukture federal’nyh organov ispolnitel’noj vlasti» ot 9 marta 2004 g. (red. ot 07.12.2016 // SZ RF. – 2004. – № 11. – St. 945.

14. Bahrah D. N., Rossinskij B. V., Starilov Ju. N. Administrativnoe pravo: uchebnik dlja vuzov. – 2-e izd., izm. i dop. – M., 2003.

15. Mironov D. N. Rossijskaja Federacija: gosudarstvennoe ustrojstvo i jetnonacional’noe razvitie // Dmitrij Nikolaevich Mironov / sost.: A. N. Dragunov, M. N. Biljukina. – Jakutsk: Bichik, 2016.

16. Alehin A. P., Karmolickij A. A. Administrativnoe pravo: uchebnik. Pervaja chast’. – 2-e izd., pererab. i dop. – M., 2011.

17. Bahrah D. N., Rossinskij B. V., Starilov Ju. N. Administrativnoe pravo: uchebnik dlja vuzov. – 4-e izd., izm. i dop. – M., 2009.

18. Mironov D. N. Osnovy konstitucionno-pravovogo statusa sub#ektov Rossijskoj Federacii / Sost.: A. N. Dragunov, M. N. Biljukina. – Jakutsk: Bichik, 2016.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОИЗВОДСТВОМ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ

Рассматриваются возможности совершенствования способов получения доказательств вины обвиняемого или подозреваемого. Такой способ, как проверка показаний на месте в качестве следственного действия не была предусмотрена в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации вплоть до принятия статьи 194 УПК РФ, регламентирующей данное следственное действие. Выявлено, что установление новых обстоятельств подразумевает получение новых доказательств по уголовному делу, что влечет за собой противоречие, выразившееся в придании проверке показаний на месте двойной цели: установление новых обстоятельств и проверка имеющихся доказательств, в частности, показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля. При проведении следственного действия проверка показаний на месте может проводиться относительно тех обстоятельств, которые стали известны следователю. В ст. 194 УПК для проведения следственного действия проверка на месте использованы термины «проверка» и «уточнение», которые согласуются между собой, поскольку имеют сходную смысловую нагрузку. Уточнение представляет собой не что иное как проверку, направленную на детализацию, конкретизацию каких-либо данных, необходимость конкретизации цели данного следственного действия в законе очевидна. При действующей трактовке целесообразнее именовать ее в полном соответствии с содержанием статьи 194 УПК РФ: «установление новых обстоятельств на месте исследуемого события». Предлагается внести изменения в ряд статей уголовно-процессуального законодательства: в ст.ст. 42, 56, 194 УПК РФ.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс РФ, способы получения вины, проверка показаний на месте, следственное действие, обвиняемый, подозреваемый, свидетель, показания, правовые последствия.

A. S. Shkinder

Some Problems Connected With Conducting the Checking of Testimony on the Spot

The article considers the potential improvement of the ways of obtaining proofs of guilt of the defendant or the suspect. Such tool as checking of testimony on the spot as an investigative action had not been provided in the Russian Federation Code of Criminal Procedure until they adopted article 194 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure regulating this investigative action. It is revealed that establishment of new circumstances means obtaining new proofs on a criminal case that involves a certain contradiction, which is expressed in a double purpose of checking of testimony on the spot: establishment of new circumstances and checking of the available proofs, in particular, testimonies of the suspect, defendant, victim or witness. When conducting the investigative action, the checking of testimony on the spot can be carried out taking into account those circumstances that have become known to the investigator. Article 194 of the Code of Criminal Procedure describes the conduct of the investigative action of checking on the spot with the terms 'checking' and 'clarifying', which comply with one another as they have similar semantic meanings. Clarifying is, by its nature, checking aimed to find more details, review certain data; the need to clarify the purpose of this investigative action in the law is obvious. Under the current interpretation, it makes more sense to call it in full accordance with the contents of article 194 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: "establishment of new circumstances on the spot of the investigated event". It is offered to introduce some amendments in a

ШКИНДЕР Альбина Степановна – доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета СВФУ имени М. К. Аммосова.

SHKINDER Albina Stepanovna – Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Faculty of Law, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov.

number of articles of the criminal procedure legislation: articles 42, 56, 194 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: The Russian Federation Code of Criminal Procedure, ways of finding guilt, checking of testimony on the spot, investigative action, defendant, suspect, witness, indications, legal consequences.

Введение

Способы получения доказательств вины обвиняемого или подозреваемого, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, не являются сложившимися раз и навсегда, они претерпевают определенные изменения на разных этапах развития законодательства, отражая потребности государства в деле борьбы с уголовными преступлениями. И этот процесс безостановочен, что подразумевает поиск дальнейших способов совершенствования.

Необходимость такого совершенствования очевидна. Проверка показаний на месте не имела статус легитимной, она как следственное действие не была предусмотрена в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, однако практические работники выходили из положения тем, что применяли ее повсеместно в рамках других следственных действий, таких, как повторный осмотр, следственный эксперимент, допрос на месте и др.

Логическим итогом по существу проблемы применения проверки показаний на месте стало принятие статьи 194 УПК РФ, регламентирующей данное следственное действие.

Проверка показаний на месте как следственное действие

Поскольку в практической деятельности ряд вопросов остается открытым, возвращаться к части из них заставляет сама жизнь. Содержание статьи 194 сводится к следующему: «в целях установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, показания ранее данные подозреваемым или обвиняемым, а также потерпевшим или свидетелем могут быть проверены и уточнены на месте, связанного с исследуемым событием» [1]. Данное следственное действие предполагает выезд следователя с лицом, чьи показания проверяются и уточняются, на указываемое последним место, имеющее значение для дела, с обстановкой которого сверяются проверяемые показания [2, с. 12].

Цели этого следственного действия определены – проверка доказательств, обнаружение новых доказательств и уточнение показаний с последующей их оценкой [3].

Установление новых обстоятельств подразумевает получение новых доказательств по уголовному делу, что влечет за собой противоречие, выразившееся в придании проверке показаний на месте двоякой цели: установление новых обстоятельств и проверка имеющихся доказательств, в частности, показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля.

А. М. Ларин отмечает, что «проверка показаний – это деятельность, состоящая в собирании доказательств, новых по отношению к проверяемым фактическим данным и их источникам, доказывание в целом, взятое в одном из его существенных аспектов» [4, с. 19].

Таким образом, факты и сведения об обстоятельствах могут проверяться, но лишь при помощи других, связанных с ними фактов или сведений о них [5, с. 151].

При проведении следственного действия проверка показаний на месте может проводиться относительно тех обстоятельств, которые стали известны следователю.

Установление новых обстоятельств подразумевает получение сведений о тех обстоятельствах совершенного преступления, которые до проведения проверки установлены не были. Очевидно, что новизна обстоятельств в полученных сведениях отсутствует.

В статье 194 УПК РФ использованы термины «проверка» и «уточнение», которые согласуются между собой, поскольку имеют сходную смысловую нагрузку.

Проверить – значит «удостовериться в правильности, обследовать с целью контроля» [6, с. 324], уточнить, то есть «сделать точнее» [6, с. 825]: в первом и во втором случае следователь должен провести деятельность для выяснения чего-либо. Проверка представляет собой действие для решения двух задач, которые сводятся к уточнению факта и к установлению конкретных данных, подтверждающих или опровергающих этот факт.

Изложенное дает основание утверждать, что уточнение представляет собой не что иное как проверку, направленную на детализацию, конкретизацию каких-либо данных, необходи-

мость конкретизации цели данного следственного действия в законе очевидна. При действующей трактовке целесообразнее именовать ее в полном соответствии с содержанием статьи 194 УПК РФ. Предлагаемая редакция названия статьи «установление новых обстоятельств на месте исследуемого события», на взгляд автора настоящей статьи, наиболее приемлема.

Проверка показаний на месте является добровольным следственным действием, т.е. подразумевается, что данное следственное действие проводится только с согласия лиц, чьи показания необходимо проверить: подозреваемый вправе давать показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения либо отказаться от дачи показаний в соответствии с пунктом 2 части 4 статьи 26 УПК РФ; обвиняемый также может воспользоваться своими правами, закрепленными в пункте 3 части 4 статьи 47 УПК РФ, а также отказаться от дачи показаний.

В отличие от показаний, даваемых подозреваемым, обвиняемым, дача показаний свидетелем и потерпевшим является их обязанностью. Согласно части 6 статьи 56 УПК РФ свидетель не вправе давать заведомо ложные показания либо за отказ от дачи показаний свидетель несет ответственность в соответствии со статьями 307 и 308 УК РФ, такие же обязанности возложены и на потерпевшего. Нормы перечисленных статей распространяются и на рассматриваемое нами следственное действие.

Перед началом проверки показаний на месте потерпевшему и свидетелю разъясняются их права и обязанности, предусмотренные статьями 42 и 56 УПК РФ, в том числе и ответственность за отказ от дачи показаний, предусмотренная статьей 308 УК РФ, совершенно очевидно, что принцип добровольности в отношении свидетелей и потерпевших при производстве проверки показаний на месте нарушается.

Считаем, что выход из создавшегося положения возможен внесением соответствующих изменений в ряд статей уголовно-процессуального законодательства, а именно:

– статью 194 УПК РФ дополнить пунктом «проверка показаний на месте подозреваемого, обвиняемого, а также потерпевшего или свидетеля проводится в случае, если данные лица изъявили добровольное согласие на проведение данного следственного действия»;

– в пункт 9 части 2 статьи 42 УПК РФ внести дополнение: «потерпевший вправе участвовать с разрешения следователя дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо по ходатайству его представителя. Потерпевший вправе отказаться от участия в следственном действии проверке показаний на месте, при этом потерпевший не несет ответственности, предусмотренной статьей 308 УК РФ»;

– в пункт 2 части 5 статьи 42 УПК РФ внести дополнение: «потерпевший не вправе давать заведомо ложные показания или отказаться от дачи показаний, за исключением случаев, предусмотренных уголовно процессуальным кодексом».

Кроме того, считаем, что в статью 56 УПК РФ целесообразно внести поправки, дополнив ее пунктом следующего содержания: «Свидетель вправе отказаться от проверки его показаний на месте, при этом никаких правовых последствий, предусмотренных статьей 308 УК РФ, не возникнет. При добровольном согласии свидетеля участвовать в данном следственном действии он должен быть предупрежден о том, что его показания, данные в ходе проверки показаний на месте, могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае последующего отказа свидетеля от показаний».

В ходе проверки показаний на месте нередко возникают ситуации, которые вызывают сомнение у следователя в правильности принятого решения. Показательна в данном случае следующая иллюстрация по конкретному уголовному делу [8].

В одном из домов Якутска обнаружен труп Макарова (фамилия изменена) с многочисленными ножевыми ранениями головы и туловища. В ходе предварительного расследования была задержана группа молодых людей, которые сознались в совершении убийства Макарова из-за того, что тот требовал с них оплату за комнату. После совершения убийства преступники подожгли квартиру с целью уничтожения следов преступления. В ходе допроса один из подозреваемых показал, что в процессе нанесения им ударов ножом было очень много крови, которой почти все в квартире было испачкано. Кровь попала и на брюки подозреваемого, поэтому

перед уходом из квартиры Макарова, свои брюки он снял и переделал в другие. Следователь принял решение провести проверку показаний на месте с участием подозреваемого. В ходе проверки на месте следователь обнаружил джинсы синего цвета с обильными следами крови. В протоколе проверки показаний на месте следователем выполнена запись следующего содержания: «обнаружены джинсы, изъяты».

В рамках одного следственного действия следователем произведено другое следственное действие, а именно выемка. Дальнейшие следственные действия сводились к осмотру изъятых джинсов и оформлению для приобщения их в качестве вещественного доказательства.

Основанием для такого решения явился пункт 9 статьи 194 УПК РФ, в котором указано, что «при обнаружении на месте проверки показаний на месте предметов, имеющих значение для уголовного дела, в том числе орудий преступления, похищенных вещей и т.п., следователь принимает меры к их изъятию».

Заключение

Полагаем целесообразным внесение в статью 194 УПК РФ конкретизирующего изменения, а именно: «при обнаружении на месте проверки показаний на месте предметов, документов, имеющих значение для уголовного дела, в том числе орудий преступления, похищенных вещей и т.п., они изымаются, о чем делается отметка в протоколе проверки показаний на месте».

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – URL: <http://www.garant.ru/>
2. Соя-Серко Л. А. Проверка показаний на месте. – М., 1966.
3. Хлынтов М. Н. Проверка показаний на месте. – Саратов, 1971.
4. Ларин А. М. Проблемы расследования в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юр. наук. – М., 1970.
5. Тактика следственных действий: учеб. пособие / Под ред. В.И. Комиссарова. – Саратов, 2000.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1987.
7. Архив Якутского городского суда.

References

1. Ugolovno-protsessualnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. – URL: <http://www.garant.ru/>
2. Soya-Serko L. A. Proverka pokazaniy na meste. – M., 1966.
3. Hlyintsov M. N. Proverka pokazaniy na meste. – Saratov, 1971.
4. Larin A. M. Problemyi rassledovaniya v sovetskom ugolovnom protsesse: avtoref. dis. ... d-ra yur. nauk. – M., 1970.
5. Taktika sledstvennyih deystviy: ucheb. posobie / Pod red. V. I. Komissarova. – Saratov, 2000.
6. Ojegov S. I. Slovar russkogo yazyika. – M.: Russkiy yazyik, 1987.
7. Arhiv Yakutskogo gorodskogo suda.

— ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО —

УДК 343.22

А. А. Каратаев

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Рассматриваются теоретические и практические проблемы соучастия в преступлении. Автор, изучив материалы судебной практики и специальную научную литературу, в целях правильного применения норм предлагает разные критерии квалификаций. Главный приоритет отдается наиболее спорным вопросам исследователей. Исходя из этого, целью статьи является изучение теоретических и практических основ теории соучастия в преступлении с последующим направлением на поиск оптимальных вариантов решения имеющихся противоречий.

Ключевые слова: соучастие, преступление, формы соучастия, критерии форм соучастия, множественность субъектов, оценка действий соучастников, виды соучастия, посредственное исполнение.

А. А. Karataev

Topical Issues of Complicity in Crime

The article examines the theoretical and practical issues of complicity in the crime. The author, having studied the materials of judicial practice and the special literature, offers different criteria of qualifications to ensure a correct application of the rules. The main priority is given to the most controversial issues among researchers. On this basis, the aim of the article is the study of the theoretical and practical foundations of various authors with further direction to the search for the optimal solutions of the existing contradictions.

Keywords: complicity, crime, forms of participation, criteria of the forms of complicity, multiplicity of actors, partners, forms of complicity, mediocre execution.

Введение

В любой системе научного знания существуют проблемы, которые постоянно вызывают интерес со стороны исследователей. Для уголовного права одной из таких проблем является соучастие в преступлении. Нередко отмечают, что оно является сложнейшим разделом [1, с. 244]. Соучастию в преступлении посвящена 7 глава УК РФ (ст. 32-36). Значимость соучастия в системе уголовного права обусловлена тем, что оно определяет особенности классификации содеянного соучастниками, пределы их ответственности, дает четкое разъяснение критериев для назначения наказания.

КАРАТАЕВ Анатолий Алексеевич – магистрант 2 года обучения юридического факультета СВФУ имени М. К. Аммосова.

KARATAEV Anatoli Alekseevich – 2nd year Master student, Faculty of Law, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov.

Научный руководитель:

ГОГОЛЕВ Петр Васильевич – доктор юридических наук, декан юридического факультета СВФУ имени М. К. Аммосова.

GOGOLEV Petr Vasil'evich – Doctor of Juridical Science, Dean of the Faculty of Law, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov.

Согласно ст. 32 УК РФ «соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления». Терминологический разбор понятия «соучастие в преступлении» позволяет выявить следующее.

1. «Соучастие» – 1) совместное участие в чем-н.; 2) в уголовном праве – умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении одного и того же преступления. Закон в зависимости от роли каждого соучастника различает исполнителей, организаторов, подстрекателей и пособников. Степень участия каждого учитывается судом при назначении наказания [2, с. 32].

2. «Преступление» – больше, чем провинность или нарушение; во-первых, потому, что преступление – это одновременно и то и другое (тогда как не всякая провинность – нарушение и не всякое нарушение – провинность); во-вторых, в силу своей тяжести. Преступление есть грубое попрание права, и морали в их наиболее существенной части. Вот почему безусловным примером преступления является убийство, а самым тяжким преступлением – преступление против человечества [3].

Понятие соучастия в преступлении

Изначально проблема видится в трактовке понятия формы соучастия. Законодатель описал лишь часть признаков форм соучастия. Форма соучастия отображает своеобразный метод совершения преступления, излагаемый совершенными действиями соучастников, и интеллектуально-информационным обменом между ними.

Соучастие также предполагает взаимосвязь действующих лиц, имеющую своеобразную особенность относительно преступления с распределением ролей либо соисполнительством. Исходя из этого, форму соучастия возможно квалифицировать как метод совершения правонарушения определяемым нравом поступков соучастников и личной связью между ними.

В ст. 208, 209, 210, 281.1 УК РФ организацию и участие в преступном сообществе законодатель разъяснил как отдельные преступления. Считаем, что квалификация деяния не должна классифицироваться членством, а определяться совершением каких-либо функций.

Также среди теоретиков является дискуссионным вопрос о критерии формы соучастия и их классификации. В теории соучастие является сложным институтом для анализа, поскольку обладает многообразием форм и видов.

Формы соучастия законодатель классифицировал по степени организованности соучастников (внутренняя упорядоченность, система взаимосвязей).

При разграничении форм соучастия между собой возникают проблемы. Выделяя четыре групповые формы объединения, законодатель должен был четко разграничить формы соучастия. Но это не было сделано, в итоге ст. 35 УК РФ подвергается критике по целому ряду причин.

Изначально это связано с тем, что законодатель не дал четких признаков форм соучастия, на основании чего можно было бы отличить одну форму от другой. На данный момент в теории ведется множество споров по этому поводу, и окончательные выводы не выработаны. Все это отрицательно влияет на правоприменительную деятельность.

Элементарное соучастие

Существенно проблемным вопросом значится выделение элементарного соучастия как отдельной формы.

Элементарное соучастие отмечается низкой степенью организованности. В нем первенствует смысл функциональных признаков, а не степени организованности. Все это возможно только при распределении ролей с акцентированием внимания на поведении каждого соучастника [4, с. 121]. Кроме того, предварительный сговор не исключает элементарного соучастия. Так, фактически предварительно договорившись о совершении преступления лицо, например пособник, после выполнения своей роли в дальнейших действиях содействовать не будет.

Исследователи предлагают несколько классификаций в качестве критерия: субъективную связь между соучастниками, степень сплоченности участников преступления, роль каждого из соучастников в индивидуальном рассмотрении [5, с. 72].

Среди исследователей можно выделить Ф.Г. Бурчака, он называет классификационным критерием состав преступления, определяющий ответственность отдельных соучастников, и предлагает формами соучастников считать [6, с. 48]:

- 1) соучастие в собственном смысле (сложное соучастие), образующее институт общей части уголовного права;
- 2) соисполнительство;
- 3) соучастие особого рода, в котором ответственность всех соучастников предусмотрена в особенной части УК РФ.

Законодатель выделил четыре разновидности преступных образований.

Юридическая оценка соучастников группового преступления при отсутствии умысла и множественности преступных результатов

Следующей проблемой является юридическая оценка соучастников группового преступления в случаях, когда действия и последствия не имели умышленный характер и не включают множественные преступные результаты [13, с. 56].

Законодатель в ст. 32 УК РФ трактует соучастие как преступление, совершаемое умышленно, при участии двух или более лиц. Исходя из этого, можно сделать вывод, что неосторожность как субъективная сторона преступления исключается из рассмотрения законодателя. Соответственно из этого выделяются два признака:

1. Множественность субъектов преступления.
2. Совместность совершаемого преступления.

В совокупности эти два признака отличают соучастие от других случаев множественности участников преступления.

Что же такое «множественность субъектов?» Во-первых, это означает фактически участие двух и более лиц при совершении одного и того же преступления. Во-вторых, каждый участник должен стать субъектом преступления (достижение возраста уголовной ответственности в момент совершения, вменяемость). Суд внезапные совместные действия не квалифицирует как совершение группой лиц по предварительному сговору.

Разграничение соучастников

Также существует проблема разграничения соучастников. Совместность подразумевает, что все субъекты вносят свой вклад для выполнения преступления. Но доля вклада каждого может быть разной. Роль соучастника отличается по характеру действий, но в тех случаях, когда роли одинаковы, вклад определяется степенью его активности. То есть при совершении преступления двумя лицами, когда один руководит действиями другого лица, суд будет квалифицировать эти действия одинаково.

Исходя из этого, можно сделать выводы, что в основе разграничения соучастников на виды лежат объективные признаки.

В научной литературе встречаются совсем иные позиции в оценке действий соучастников. Например, все соучастники разделяются на главных и второстепенных [7, с. 84]. Под главным подразумевается организатор и руководитель, второстепенные – все остальные.

Роль организатора и руководителя всегда учитывается судом и влияет на квалификацию преступления. Но, как было изложено выше, действия соучастников могут различаться по степени активности в преступлении одного вида соучастников. Например, при ограблении магазина первый пособник предоставил гвоздодер для совершения взлома, а второй пособник предоставил огнестрельное оружие. В этом случае они оба являются пособниками и их роль одинакова. Но по активности они отличаются, роль второго является более значимой.

УК РФ различает несколько видов соучастия, которое начинается с исполнителя. Законодатель под этим имел в виду, что исполнитель является главной фигурой в соучастии, так как он выполняет объективную функцию преступления. При отсутствии исполнителя вытекают из дела пособники и подстрекатели.

Под посредственным исполнением понимается преступная деятельность преступника, использующего умышленно в качестве оружия другое лицо. Необходимо отметить, что бывают

случаи, когда для совершения преступления в качестве исполнителя используются неменяемые лица, в таких случаях исполнители с умыслом не образуют соучастия. Но надо учесть, что понятие «исполнитель преступления» относится только к соучастию, соответственно когда в деле фигурирует только одно лицо, его невозможно назвать исполнителем [8]. И поэтому поднимается вопрос о посредственном исполнительстве в п. 2 ст. 33 УК РФ, почему законодатель отнес его к соучастию, тогда как «другие лица» не достигшие возраста уголовной ответственности, в силу неменяемости или других обстоятельств, предусмотренных настоящим кодексом, не являются субъектами преступления. Соответственно они не могут быть соучастниками преступления, в котором их использовали, соответственно здесь отсутствует соучастие [2, с. 45].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что именовать исполнителем лицо, совершившее преступление, использовавшее при этом лицо, не являющееся субъектом преступления, при отсутствии соучастия некорректно.

Разграничение организованного и преступного сообщества

Возникают вопросы при разграничении организованного и преступного сообщества. В ст. 35 УК РФ под организованной группой понимается устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений, под преступным сообществом понимается структурированная организованная группа или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Если рассмотреть преступное сообщество как объединение организованных групп, то проблем с разграничением не возникают. И здесь во втором случае есть трудность, поскольку законодатель не раскрывает понятие «структурированности». Маловероятно, что этот признак можно рассматривать как отличительный.

В теории по данному вопросу сложились противоречивые мнения. Одни ученые считают, что структурированность означает, что преступное сообщество состоит из определенных преступных элементов, другие – что структурированность характеризуется стабильностью состава и согласованностью действий. Некоторые из ученых считают, что структурированные подразделения в преступном сообществе могут быть неравнозначными и выполнять различные функции.

Все это указывает на то, что все еще нет никакого точного определения структурированности, которое позволила бы решать проблему по отграничению преступного сообщества от организованной группы.

Заключение

Институт соучастия является одним из труднейших разделов уголовного права. Данный раздел много обсуждается разными авторами. Соучастие содержит немалое количество проблем. В данной работе затронуты именно те проблемы, которые являются наиболее спорными и обсуждаемыми.

После проведенного анализа считаем, что неполноценное разъяснение законодателем разных трактовок вызывает разные трудности при квалификации преступлений.

В частности это относится к проблемам:

- 1) трактовка понятия формы соучастия;
- 2) критерии формы соучастия и их классификация;
- 3) выделение элементарного соучастия как отдельной формы;
- 4) юридическая оценка соучастников группового преступления при отсутствии умышленного характера.

В теории уголовного права соучастие является сложным институтом для анализа, поскольку обладает многообразием форм и видов. На данный момент ведутся споры по этому поводу, окончательные выводы не выработаны. Все это отрицательно влияет на правоприменительную деятельность. Исходя из этого, законодателю необходимо привести уголовный закон, так чтобы законоприменители не могли по-разному трактовать и применять данный закон.

Литература

1. Колоколов Г. Е. Уголовное право: Лекции. – М., 1896. – С. 412. Цит. по: Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В. С. Комиссарова. – СПб., 2005.
2. Михеев Р. И. Уголовно-правовая оценка общественно опасных деяний невменяемых при групповых посягательствах. – Омск. 1983.
3. Философский словарь // https://gufo.me/dict/philosophy_dict
4. Малахов И. П. Вопросы учения о соучастии по советскому уголовному праву. – Л., 1957.
5. Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1959.
6. Бурчак Ф. Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. – М., 1986.
7. Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении – М.: Юрид. лит. 1974.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. // – URL: <http://www.garant.ru/>

References

1. Kolokolov G. E. Uголовное право: Lektsii. – M., 1896. – S. 412. TSit. po: Rossiyskoe uголовное право. Obschaya chast / Pod red. V. S. Komissarova. – SPb., 2005.
2. Miheev R. I. Uголовно-pravovaya otsenka obschestvenno opasnyih deyanii nevmenyaemyih pri gruppovyih posyagatelstvah. – Omsk. 1983.
3. Filosofskiy slovar // https://gufo.me/dict/philosophy_dict
4. Malahov I. P. Voprosyi ucheniya o souchastii po sovetскому uголовному pravu. – L., 1957.
5. Grishaev P. I., Kriger G. A. Souchastie po sovetскому uголовному pravu. – M.: Gosyurizdat, 1959.
6. Burchak F. G. Souchastie: sotsialnyie, kriminologicheskie i pravovyye problemyi. – M., 1986.
7. Telnov P. F. Otvetstvennost za souchastie v prestuplenii – M.: YUrid. lit. 1974.
8. Uголовnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13 iyunya 1996 g. // – URL: <http://www.garant.ru/>

ПРОБЛЕМЫ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются проблемные аспекты законодательного регулирования и правоприменительной практики апелляционного судопроизводства. Автор статьи предлагает создание нового правового механизма апелляционного судопроизводства.

Ключевые слова: апелляция, правоприменительная практики, судопроизводство система уголовного правосудия, законодатель, судебные ошибки.

T. I. Nikiforova

Problems of Appeal Proceedings in the Criminal Procedure of the Russian Federation

The article considers some problematic aspects of the legislative regulation and law-enforcement practice of appeal proceedings. The author of the article suggests a need for creating a new legal mechanism of appeal proceedings.

Keywords: appeal, law-enforcement practices, legal proceedings, criminal justice system, legislator, miscarriages of justice

На Всероссийском съезде судей, состоявшемся в начале декабря 2016 г., было открыто заявлено, что «современная система уголовного правосудия испытывает серьезные трудности» [1]. При этом было отмечено, что «имеет место разрыв между декларируемым в законе и реалиями, складывающимися в практике правоприменения» [1]. В резолюции съезда было указано, что российское судейское сообщество видит выход из сложившейся кризисной ситуации в «изменении всей уголовно-процессуальной модели, в том числе создании принципиально нового правового механизма судебного контроля на базе апелляционной модели» [1].

Из этого следует, что апелляция может служить базовой судебной-контрольной процедурой, направленной на решение задач проверки решений, как не вступивших, так и вступивших в законную силу. Изучение проблем апелляционного производства в контексте указанных заявлений приобретает особую актуальность.

Так, С. А. Трухин отмечает, что «именно апелляции, а не кассационному и надзорному производству, законодатель предопределил основную роль по исправлению судебных ошибок» [2, с. 4]. При этом А. А. Романова выделяет возникающую в правоприменительной практике проблему. Она пишет: «суды субъектов РФ практически отказались от использования апелляционных технологий при пересмотре уголовных дел, а по сложившемуся обыкновению практикуют кассационный метод проверки» [3, с. 7].

НИКИФОРОВА Туйаара Иннокентьевна – магистрант 2 года обучения юридического факультета СВФУ имени М. К. Аммосова.

NIKIFOROVA Tuiara Innokentyevna – 2nd year Master student, Faculty of Law, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov.

Научный руководитель:

ПАВЛОВА Арзулана Акрамовна – кандидат юридических наук, доцент юридического факультета СВФУ имени М. К. Аммосова.

PAVLOVA Arzulana Akramovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor Faculty of Law, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov.

Анализ сложившегося апелляционного производства показывает, что данная проблема действительно имеет место, и обусловлена она следующим. Апелляционное разбирательство проводится в более чем одной трети уголовных дел. Данный вывод обусловлен статистическими данными: в 2013 году апелляционной проверке подверглись 39,6% рассмотренных российскими судами уголовных дел, в 2014 г. – 37%, в 2015 г. – 36,3%, в 2016 г. – 35,9% [4]. Таким образом, можно говорить о том, что нагрузка на апелляционную инстанцию велика, что в свою очередь ведет к тому, что она влияет на качество апелляционных технологий. Н. Н. Мазина отмечает: «проведя исследование мнения судей, участвующих в апелляционном производстве, можно предположить, что система достигла предела своих возможностей» [5, с. 5]. При этом необходимо учитывать, что, по мнению судей, «более 60% апелляционных жалоб оказываются необоснованными, и их проверка заведомо превращается в пустую формальность» [1]. Следовательно, активность судов апелляционной инстанции в значительной мере напрасна, а позитивный вклад в уголовное правосудие главным образом проявляется в виде изменения решения суда первой инстанции (в части наказания). Случаи непосредственного исследования доказательств при апелляционном пересмотре уголовных дел в судах субъектов РФ происходят, по мнению А. А. Романовой, менее чем в 1% уголовных дел [3, с. 11].

Таким образом, были выделены две основные проблемы апелляционного производства в российском уголовном процессе.

1. Происходит подмена понятий апелляции понятиями кассационного производства, что приводит к формализации современной российской апелляции.

2. Большая часть апелляционных жалоб может являться необоснованной, следовательно, необходимо рассмотреть возможность «отсечения» этих жалоб на начальном этапе производства.

Как отмечает большинство исследователей, оптимизация современного апелляционного судебно-правового механизма и реализация заложенного в нем потенциала сопряжены с рядом сложностей и препятствий. Это связано главным образом с тем, что в настоящее время в российском уголовном процессе сложились две модели апелляционной проверки судебных решений по уголовным делам.

Одна практикуется в районных (городских) судах с момента восстановления института апелляции в нашем процессе, то есть с момента введения в УПК РСФСР 1960 г. в 2000 г. института мировых судей и апелляционного порядка обжалования судебных решений, не вступивших в законную силу. Данная модель представляет собой «полную апелляцию» – классическую процедуру, которая имеет корни в Уставе уголовного судопроизводства.

Другая сложилась в судах субъектов Российской Федерации и в Верховном Суде Российской Федерации в ходе применения норм главы 45.1 УПК РФ и представляет собой «неполную» апелляцию, а по сути – кассацию с примесью апелляционных элементов.

Следовательно, имеет место эффект дифференциации апелляционной уголовно-процессуальной формы. Данное различие в практике толкования и применения норм главы 45.1 УПК РФ сложилось в силу как организационно-материальных причин (нехватка времени и пространства для ведения полной апелляции), так и в силу инерции правовой традиции – привычки судей федеральных судов высших звеньев судебной системы использовать метод кассации.

Научная доктрина создавшаяся в сфере правоприменения положение объяснить не может, отсюда возникают, как отмечает С. А. Трухин, «безрезультативные споры о правовой природе современного апелляционного производства, конкуренции учений о полной или неполной апелляции. Созданная модель апелляционного производства оказалась на практике недееспособной и не отвечает назначению уголовного судопроизводства» [2, с. 42].

Таким образом, реальность требует системного изменения всего судебно-контрольного механизма, в основу которого должна быть положена классическая апелляционная модель.

Литература

1. Всероссийский съезд судей 6 декабря 2016 г. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://kremlin.ru/events/president/news/53419> (дата обращения: 14.09.2017).
2. Трухин С. А. Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – М.: МГЮА, 2016. – 316 с.
3. Романова А. А. Современное апелляционное производство в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Нижний Новгород, 2017. – 35 с.
4. Статистические данные Верховного Суда Российской Федерации. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.supcourt.ru/> (дата обращения: 14.09.2017)
5. Мазина Н. Н. Апелляционное производство в современном уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – М.: МАЭП, 2015. – 32 с.

References

1. Vserossiyskiy syezd sudey 6 dekabrya 2016 g. [Elektronnyiy resurs] Rejim dostupa <http://kremlin.ru/events/president/news/53419> (data obrascheniya: 14.09.2017)
2. Truhin S. A. Predmet i predelyi apellyatsionnogo razbiratelstva ugolovnyih del: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. – M.: MGYUA, 2016. – 316 s.
3. Romanova A. A. Sovremennoe apellyatsionnoe proizvodstvo v ugolovnom protsesse Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. – Nijniy Novgorod, 2017. – 35 s.
4. Statisticheskie dannye Verhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. [Elektronnyiy resurs] Rejim dostupa <http://www.supcourt.ru/> (data obrascheniya: 14.09.2017).
5. Mazina N. N. Apellyatsionnoe proizvodstvo v sovremennom ugolovnom protsesse Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. – M.: MAEP, 2015. – 32 s.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Проводится анализ законодательного регулирования принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних по уголовному законодательству в некоторых странах ближнего зарубежья.

Ключевые слова: принудительные меры воспитательного воздействия, несовершеннолетний, уголовная ответственность несовершеннолетних, сравнительный анализ.

А. G. Pavlova

Enforcement Powers of Educational Influence as Form of Realization of a Criminal Responsibility of Minors: The Analysis of Legislative Regulation in Some Neighboring Countries

The article analyses legal regulation of the forced measures of educational influence on minors under the criminal law in some CIS countries.

Keywords: forced measures of educational influence, minor, criminal liability of minors, comparative analysis

Процессы, происходящие в современном обществе, интенсивно влияют на формирование подрастающего поколения. Перестановка приоритетов в уголовной ответственности несовершеннолетних выразилась в изменениях, внесенных в ч. 2 ст. 87 УК РФ, проявившаяся в необходимости для судов первоначально решать вопрос о возможности применения в отношении несовершеннолетних принудительных мер воспитательного воздействия и лишь при невозможности их реализации решать вопрос о назначении им наказания. До введения этого положения в ч. 2 ст. 87 УК РФ указывалось, что судом вначале решался вопрос о возможности назначения несовершеннолетнему наказания, и только после того, как суд приходил к выводу о том, что оно будет нецелесообразно, решался вопрос о применении принудительных мер воспитательного воздействия.

Правильно отмечено Д. Дядькиным: «Тем самым законодатель подчиняет правила ответственности несовершеннолетних общим принципам и требованиям, согласно которым любые меры воздействия (аналогично системе наказаний) должны располагаться в соответствии с принципом их системного расположения – от менее строгой меры к более строгой» [1, с. 21].

ПАВЛОВА Айталина Гаврильевна – магистрант 2 года обучения юридического факультета СВФУ имени М. К. Аммосова.

PAVLOVA Aitalina Gavriilyevna – 2nd year Master student, Faculty of Law, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov.

Научный руководитель:

ПАВЛОВА Арзулана Акрамовна – кандидат юридических наук, доцент юридического факультета СВФУ имени М. К. Аммосова.

PAVLOVA Arzulana Akramovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor Faculty of Law, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov.

Содержанием принудительных мер воспитательного воздействия является воспитательная направленность. В отличие от наказания они направлены на создание условий для дальнейшей позитивной социализации несовершеннолетнего для улучшения его личностных качеств с учетом его социальных, возрастных и психологических особенностей. Полагаем, что большинство несовершеннолетних, совершивших преступления, не обладают высокой криминальной зараженностью, у них отсутствуют стойкие антиобщественные установки, вследствие чего возможность их исправления и перевоспитания посредством применения принудительных мер воспитательного воздействия велика. В то же время необходимо учитывать, что излишняя гуманизация ответственности несовершеннолетних, применение принудительных мер воспитательного воздействия без учета личности несовершеннолетнего и обстоятельств совершения им преступления, а также характера совершенного преступления может дать обратные результаты.

Законодатели стран ближнего зарубежья в национальных уголовных законах закрепляют возможность применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного характера в связи с совершением ими преступлений. В этой связи отметим УК Республики Узбекистан, который отказался от принятой терминологии «принудительные меры воспитательного воздействия (характера)» и в ст. ст. 87-88 устанавливает применение *принудительных мер* (курсив наш – авт.) к несовершеннолетним, хотя условия и основания применения, содержание указанных мер по УК Республики Узбекистан аналогичны принудительным мерам воспитательного воздействия. Данное обстоятельство нельзя считать удачным ввиду того, что в том же разделе 6 «Особенности ответственности несовершеннолетних» законодатель в главе XV «Наказание и его назначение» рассматривает виды наказаний, которые также по своей сути являются принудительными мерами воздействия. Представляется, что общепринятое наименование мер, применяемых в отношении несовершеннолетних, наиболее полно и точно раскрывает суть воздействия, оказываемого на них.

УК Кыргызской Республики помимо установленных в ст. 83 принудительных мер воспитательного воздействия в ст. 86 предусматривает освобождение несовершеннолетнего от ответственности или наказания с применением *принудительных мер* (курсив наш – авт.) за совершение впервые преступления небольшой тяжести с передачей материалов на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних, если с учетом характера совершенного деяния, личности виновного и иных обстоятельств дела его исправление возможно без применения наказания. Виды принудительных мер в законе не оговариваются.

Расширение круга лиц, к которым возможно применение принудительных мер воспитательного воздействия, наблюдается в УК Республики Казахстан, Республики Узбекистан, Кыргызской Республики.

Так, о применении принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, обнаруживающим отставание в возрастном развитии, лишаящих его способности в полной мере сознавать значение совершенного деяния, говорится в УК Республики Узбекистан (ст. 87), УК Кыргызской Республики (ст. 86).

На основании ст. 83 УК Республики Казахстан установлена возможность применения данных мер к двум категориям лиц:

1) несовершеннолетним, совершившим уголовный проступок или преступление небольшой тяжести либо впервые совершившим преступление средней тяжести, с освобождением судом от уголовной ответственности, если установлено, что его исправление возможно без привлечения к уголовной ответственности. При этом к нему *могут быть* (курсив наш – авт.) применены принудительные меры воспитательного воздействия;

2) несовершеннолетним, впервые осужденным за совершение уголовного проступка или преступления небольшой или средней тяжести, с освобождением от наказания, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

В части определения видов мер воспитательного воздействия в основном законодатели рассматриваемых стран придерживаются традиционных: предупреждение, передача под над-

зор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированный орган; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление специальных требований к поведению несовершеннолетнего.

Кроме указанных видов в некоторых странах предусмотрены и иные: принесение извинения потерпевшему в форме, определяемой судом (УК Республики Узбекистан, УК Республики Беларусь); прохождение лечебного курса по психологической реабилитации (УК Республики Молдова, который относит принудительные меры воспитательного характера, наряду с принудительными мерами медицинского характера, высылкой и специальной конфискацией к «мерам безопасности» (ст. 98); помещение в организацию образования с особым режимом содержания, возложение обязательства принести извинения потерпевшему, установление пробационного контроля (ст. 84 УК Казахстана). Перечень мер в большинстве законов указан как неисчерпывающий.

Передача несовершеннолетнего, совершившего преступление, под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих по УК Республики Беларусь не является видом принудительной меры воспитательного характера. Эта мера применяется при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности. Статья 118 «Освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности» предусматривает возможность освобождения от ответственности несовершеннолетнего, впервые совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление, с передачей его под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих, по их просьбе, если по характеру совершенного преступления, данным о личности и иным обстоятельствам дела исправление несовершеннолетнего возможно без привлечения его к уголовной ответственности (ч. 1).

Передача несовершеннолетнего под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих, допускается при условии внесения ими залога. Сумма залога определяется с учетом материального положения родителей или лиц, их заменяющих, в пределах от десяти- до пятидесятикратного размера базовой величины, установленного на день внесения залога за преступления, не представляющие большой общественной опасности, и в пределах от пятидесятикратного до стократного размера базовой величины за менее тяжкие преступления. В случае совершения лицом, переданным под наблюдение, в течение года нового умышленного преступления сумма внесенного залога поступает в доход государства (ч. 2).

Применение принудительных мер воспитательного характера вместо наказания по УК Республики Беларусь возможно только при осуждении несовершеннолетнего с постановлением обвинительного приговора (ст. 117) за совершение им преступления, не представляющего большой общественной опасности, или впервые совершение менее тяжкое преступление, а также в качестве замены ранее наложенного уголовного наказания – штрафа в случае невозможности его взыскания с несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 111) при отсутствии признаков уклонения от его уплаты.

В течение срока судимости при применении принудительных мер воспитательного характера за несовершеннолетним осуществляется профилактическое наблюдение и на него возлагаются следующие обязанности: предварительно уведомлять орган внутренних дел об изменении места жительства, о выезде по личным делам в другую местность на срок более одного месяца, являться в указанный орган по его вызову и при необходимости давать пояснения относительно своего поведения и образа жизни. В случае злостного уклонения несовершеннолетнего в течение срока судимости от исполнения принудительной меры воспитательного характера суд по представлению органа, ведающего ее исполнением, может заменить данную меру на более строгую меры воспитательного характера.

Подводя итог анализу правового регулирования принудительных мер воспитательного воздействия в уголовных законах стран ближнего зарубежья, приходим к выводу, что в рассмотренных государствах принудительные меры воспитательного воздействия так же, как и в Российской Федерации установлены в качестве одной из форм реализации уголовной ответственности несовершеннолетних.

Литература

1. Дядькин Д. Правила учета несовершеннолетнего возраста подсудимого при назначении наказания // Уголовное право. – № 6. – С. 20-24.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954.
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2017 г.)// <http://online.zakon.kz/Document/> (дата обращения: 29.08.2017).
4. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.09.2017 г.)// http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 12.06.2017).
5. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.07.2017 г.)// http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 19.07.2017).
6. Уголовный кодекс Кыргызской Республики (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.03.2017 г.)// <http://online.adviser.kg>, (дата обращения: 20.06.2017).
7. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З// <http://ncpi.gov.by/produkcija/etalon%206.1.aspx?news=578> (дата обращения: 23.06.2017).

References

1. Dyadkin D. Pravila ucheta nesovershennoletnego vozrasta podsudimogo pri naznachenii nakazaniya // Uголовное право. – № 6. – S. 20-24.
2. Uголовnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 29.07.2017) (s izm. i dop., vstup. v silu s 26.08.2017) // Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii ot 17 iyunya 1996 g. N 25 st. 2954
3. Uголовnyiy kodeks Respubliki Kazahstan (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 11.07.2017 g.)// <http://online.zakon.kz/Document/> (data obrascheniya: 29.08.2017).
4. Uголовnyiy kodeks Respubliki Uzbekistan ot 22 sentyabrya 1994 goda № 2012-XII (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 14.09.2017 g.) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (data obrascheniya: 12.06.2017).
5. Uголовnyiy kodeks Respubliki Moldova ot 18 aprelya 2002 goda № 985-XV (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 13.07.2017 g.)// http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (data obrascheniya: 19.07.2017).
6. Uголовnyiy kodeks Kyrgyzskoy Respubliki (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 02.03.2017 g.)// <http://online.adviser.kg>, (data obrascheniya: 20.06.2017).
7. Uголовnyiy kodeks Respubliki Belarus ot 9 iyulya 1999 g. № 275-Z// <http://ncpi.gov.by/produkcija/etalon%206.1.aspx?news=578> (data obrascheniya: 23.06.2017).

ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Рассматриваются проблемные аспекты насильственных половых преступлений, предусмотренных в статье 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации. Затронут нынешний уровень нравственных устоев в сфере половых отношений, проблемы раскрытия и квалификации вышеуказанных преступлений, беспомощное состояние потерпевшего в момент совершения преступления. Указаны дефекты Уголовного кодекса Российской Федерации по части квалификации насильственных половых преступлений и предложены варианты их корректировки.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, насильственные половые преступления, квалификация преступления, беспомощное состояние, потерпевший.

S. P. Plotnikov

Classification of Violent Sexual Offences

This article deals with the problematic aspects of violent sexual offences stipulated in articles 131 and 132 of the Criminal Code of the Russian Federation. We analyze the current level of morale in the sphere of sexual relations; the problems of disclosure and qualification of the above offences; the helpless state of the victim at the time the crime was committed. We point out the defects of the Criminal Code of the Russian Federation on the qualification of violent sexual offences and suggest the options for their correction.

Keywords: sexual inviolability; violent sexual offences; qualification of crime; helpless state, victim.

В соответствии с Конституцией РФ каждому человеку и гражданину гарантируется защита его прав и свобод, в том числе права на половую свободу и половую неприкосновенность личности. В данном случае под понятием «личность» имеется в виду не только лицо женского пола, но и лицо мужского пола. Каждая страна с устоявшейся правовой системой и законодательством должна охранять честь и достоинство личности, а также их половую свободу и половую неприкосновенность на конституционном уровне. Эффективность и результативность этой охраны определяет четкое функционирование принятых нормативно-правовых актов законодательным органом. Но в реальности отнюдь не всегда функционируют правильно законы, которые должны определять и нейтрализовать преступления, направленные против половой свободы и половой неприкосновенности личности. Неправильность функционирования заключается в неквалифицированности работников правоохранительных органов, в неправильности квалификации совершенного преступления, а также отчасти в бездействии потерпевших.

Актуальность данной темы исследования заключается в том, что в настоящее время нравственные устои в сфере половых отношений не только в российском обществе, но и во всем

ПЛОТНИКОВ *Санда* *Прокопьевич* – магистрант 2 года обучения юридического факультета СВФУ имени М. К. Аммосова.

PLOTNIKOV *Sandal* *Prokopyevich* – 2nd year Master student, Faculty of Law, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov.

Научный руководитель:

ПАВЛОВА *Арзулана* *Акрамовна* – кандидат юридических наук, доцент юридического факультета СВФУ имени М. К. Аммосова.

PAVLOVA *Arzulana* *Akramovna* – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor Faculty of Law, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov.

мире существенно испорчены путем публикации и демонстрации в средствах СМИ легализации однополых браков (брак между лицами одного пола) в различных странах; открытость показа полового акта (либо имитации) в современных художественных фильмах (как в отечественной киноиндустрии, так и в зарубежной); доступностью в сети Интернет порнографии и иных аналогичных форм безнравственности.

Половые преступления – это совершаемые с прямым умыслом противоправные действия, направленные против половой неприкосновенности и половой свободы человека, закрепленных на законодательном уровне, а также здоровое развитие физической и нравственной составляющей несовершеннолетнего лица. Эти преступления связаны с сексуальным насилием, проявляются они в виде грубого нарушения нормальных половых отношений в социуме (добровольность, разнополость лиц, достижение соответствующего возраста, сношение нормальным половым путем).

Результатом рассматриваемых преступлений является глубокая, неотвратимая психологическая травма для жертвы. Тем более для хрупкой, несостоявшейся детской психики эта травма является особо опасным фактором, который может помешать будущему становлению адекватной, здравомыслящей личности. Большинство насильников и серийных убийц в детстве подвергались вышеуказанным преступлениям, что еще раз подтверждает правдивость выражения «зло порождает зло».

По общепринятой классификации российских ученых, половые преступления делятся на два вида [1, с. 110]:

1. Насильственные половые преступления (статья 131 и 132 УК РФ);
2. Ненасильственные половые преступления (статья 133, 134 и 135 УК РФ).

Изнасилование и насильственные действия сексуального характера по УК РФ отнесены к категории тяжких и особо тяжких преступлений. Так, в соответствии со статьей 15 УК РФ изнасилование, предусмотренное частью 1 и частью 2 статьи 131 УК РФ, относится к категории тяжких преступлений, а предусмотренное частью 3 и частью 4 статьи 131 УК РФ – к категории особо тяжких [2]. Насильственные действия сексуального характера аналогично совпадают с изнасилованием по принадлежности к выше перечисленным категориям преступлений. Рост тяжких и особо тяжких насильственных половых преступлений и их безнаказанность, а также бездействие потерпевших в виде отказа обращения в правоохранительные органы, опасение гнета со стороны общества – все это приводит к предположению, что реальное количество таких тяжких половых преступлений, какими являются изнасилование и насильственные действия сексуального характера, может быть выше официально зарегистрированной статистики, предполагаем.

Как показывает практика, раскрытие насильственных половых преступлений является наиболее трудным и требует большего профессионализма от следователей. Как известно, в большинстве случаев насильственные половые преступления совершаются без свидетелей, что сильно препятствует работе следователя в правильном направлении: проблематичность фиксирования следов, восстановления реальной картины преступления, формирования доказательственной базы.

Изучение дел, касающихся насильственных половых преступлений, позволило выявить ряд проблем в части квалификации. Одним из основных проблем в данное время является установление беспомощного состояния жертвы во время совершения преступлений, предусмотренных статьей 131 и 132 УК РФ.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» указано, что беспомощным состоянием при изнасиловании может быть признана лишь такая степень опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, которая лишала это лицо, например, потерпевшую женщину возможности оказать сопротивление насильнику [3]. При этом в указанном Постановлении не разъяснено, относится ли состояние сна к беспомощному состоянию.

По мнению А. Вершинина, сон может наступать как биологическая потребность организма человека (здоровый сон), так и под воздействием введенного в организм какого-либо одурманивающего средства, действие которого исключает возможность выйти из этого состояния при внешних раздражителях на определенный промежуток времени. Он считает, что только второе состояние сна следует рассматривать как беспомощное и предлагает в каждом конкретном случае, когда лицо находится в состоянии сна, тщательно исследовать все обстоятельства дела [4, с. 11]. Например, при наркозе пациент впадает в искусственно вызванное состояние замедления работы центральной нервной системы, при котором возникает сон. То есть, исходя из этого, жертва, введенная в искусственное состояние сна, тем более еще с потерей чувствительности, расслаблением мышц и в некоторых случаях потерей памяти, не может оказать должное сопротивление насильнику.

В заключение отметим, что нами отмечена лишь одна из проблем квалификации половых преступлений, коих имеется в достаточном количестве в правоприменительной практике.

Литература

1. Шишко И. В.. Уголовное право. Особенная часть. – М.: Проспект, 2012.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ № 2, февраль 2015.
4. Вершинин А. Некоторые вопросы квалификации убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Уголовное право. – 2000. – № 4.

References

1. SHishko I. V.. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast. – M.: Prospekt, 2012.
2. Ugolovnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 g. № 63-FZ (red. ot 17.04.2017.) // Sobranie zakonodatelstva RF. 1996. № 25. St. 2954.
3. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 04.12.2014 N 16 «O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyah protiv polovoy neprikosnovennosti i polovoy svobodyi lichnosti» // Byulleten Verhovnogo Suda RF № 2, fevral 2015.
4. Vershinin A. Nekotoryie voprosyi kvalifikatsii ubiystv, sovershennyih pri otyagchayuschih obstoyatelstvah (ch. 2 st. 105 UK RF) // Ugolovnoe pravo. – 2000. – № 4.

**ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. М.К. АММОСОВА
СЕРИЯ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВО»
VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
«HISTORY. POLITICAL SCIENCE. LAW» SERIES**

**Электронное научное периодическое издание
№ 3 (07) 2017**

Технический редактор *Н. Ю. Печетова*
Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 27.09.2017. Формат 70x108/16.
Дата выхода в свет 30.09.2017.